

Безупречные
диалоги,
безукоризненное
развитие
сюжета.

Иэн Рэнкин

МИК ГЕРРОН МЕРТВЫЕ ЛЬВЫ

18+

Геррон восхитительно циничен,
и тексты его полны мрачного юмора.

Бернард Корнуэлл

Большой роман

Мик Геррон
Мертвые львы

«Азбука-Аттикус»

2013

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Геррон М.

Мертвые львы / М. Геррон — «Азбука-Аттикус»,
2013 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-21088-2

Мика Геррона называли «Джоном Ле Карре нашего времени» и новой надеждой британской литературы, сравнивали с Рэймондом Чандлером и Кингсли Эмисом, Ивлином Во и Грэмом Грином, Элмором Леонардом и Джозефом Хеллером. Герроновские романы – это «смешная, на грани фарса, изумительно циничная карикатура на политиков, функционеров, междоусобную грызню и Большую игру» (Booklist), а его герои («хромые кони», они же слабаки из Слаубашни) – это проштрафившиеся контрразведчики, наказанные «за пристрастие к наркотикам, алкоголю или распутству; за интриги и предательство; за недовольство и сомнения; а также за непростительную оплошность». Надзирает над ними Джексон Лэм – «Фальстаф наших дней» (Sunday Times) и «один из самых монструозных персонажей в современной литературе» (Бернард Корнуэлл). Во втором романе цикла, «Мертвые львы», старый знакомый Лэма времен службы в Берлине, бывший осведомитель по имени Дикки Боу, умирает в автобусе на подъезде к Оксфорду; и мало того что смерть его выглядит подозрительно – на его мобильном телефоне Лэм находит неотправленное сообщение с одним словом: «Цикады». А значит, есть вероятность, что мифическая агентурная сеть глубокой конспирации – не такая уж мифическая. Но в МИ-5 не до того, контрразведка парализована «аудитом, который больше напоминает инквизицию», и разбираться с «Цикадами» и их мифическим (или все же не мифическим?) руководителем предстоит Лэму и его «хромым коням»... По первым книгам цикла «Слау-башня» запущен в производство телесериал (два сезона сразу), съемки велись в 2020–2021 гг. Роль Джексона Лэма исполнил Гэри Олдман, также в сериале снялись Джек Лауден, Оливия Кук, Джонатан Прайс, Кристин Скотт Томас, Кристофер Чунг. Постановщиком первого сезона выступил Джеймс Хоуз («Мерлин», «Черное зеркало», «Доктор Кто», «Алиенист», «Воспитанные волками»). Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21088-2

© Геррон М., 2013
© Азбука-Аттикус, 2013

Содержание

1	12
Часть первая	15
2	15
3	35
4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Мик Геррон

Мертвые львы

Посвящается М. С. Дж.

Mick Herron
DEAD LIONS

Copyright © 2013 by Mick Herron
First published in the UK by John Murray Publishers Ltd, in 2013
The right of Mick Herron to be identified as the author of this work has been asserted
All rights reserved

© А. Питчер, перевод, 2022 © Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

Знаете, мне уже посчастливилось сыграть Джорджа Смайли, и поэтому играть теперь еще и Джексона Лэма в экранизации романов Мика Геррона – в своем роде наследника Ле Карре – это просто потрясающе.

Гэри Олдман

Эпопея о МИ-5 и одном из самых монструозных персонажей в современной литературе – Джексоне Лэме. Геррон восхитительно циничен, и тексты его полны мрачного юмора. Я бы до такого просто недодумался.

Бернард Корнуэлл

Мик Геррон – это Джон Ле Карре нашего времени.

Вэл Макдермид

Безупречные диалоги, безукоризненное развитие сюжета.

Иэн Рэнкин

Мик Геррон изумительный писатель, и если вы его еще не читали – обязательно почитайте. Романы о Джексоне Лэме я глотал один за другим и сейчас жду не дождусь продолжения; они остроумны, мрачно смешны и чрезвычайно увлекательны.

Марк Биллингем

Мик Геррон – один из лучших писателей своего поколения.

Стив Кавана

«Мертвые львы», пожалуй, самый достойный лауреат «Золотого кинжала» за всю историю престижной премии. Дьявольски хитроумный подрыв самих устоев шпионского романа...

Crime Fiction Lover

Циничный, сюрреалистический и совершенно уморительный взгляд на зазеркалье британской разведки. Тут тебе и агенты-нелегалы, и заезжий российский олигарх, и легендарный супершпион, которого, возможно, никогда не было...

January Magazine: Best Books of 2013

«Мертвые львы» – триллер высшей пробы и в то же время – безудержный фарс о политической алчности и бюрократической коррупции. А вдобавок – литературный шедевр.

Open Letters Monthly

Наконец-то мы дождались продолжения «Хромых коней» – и сразу хочется еще.

International Noir Fiction

«Мертвые львы» – это апофеоз стиля и циничного юмора, яркий и стремительный, как лучший киноблокбастер сезона.

Read Me Deadly

Отточенный слог, безупречно выписанные персонажи и неизменная проникновенность изложения делают цикл романов Геррона самым захватывающим из всего, написанного в этом жанре со времен холодной войны. Он великий юморист среди мастеров шпионского романа, совмещающий невообразимые ситуации с искрометными и смешными диалогами и изящным, остроумным авторским стилем.

The Times

Смешно, стильно, злободневно, захватывающе.

Guardian

По сравнению с язвительным Герроном романы Ле Карре выглядят сусальными сказками. Мало кому удастся превзойти Геррона в остроумии, злободневности, осведомленности и в этой чисто английской способности – прятать самые сокровенные чувства под маской холодной насмешки, перед тем как внезапно ошеломить читателя.

Daily Telegraph

Цикл книг Мика Геррона об обитателях Слау-башни тихой сапой занял место среди величайших произведений о жизни сотрудников спецслужб в истории мировой литературы, а грядущая экранизация с участием Гэри Олдмана принесет Геррону и его персонажам всемирную известность.

CrimeReads

Основной движок хитро закрученных книг Геррона, от которых трудно оторваться, – это остроумные, ершистые и афористичные диалоги персонажей. Комизмом эти романы во многом обязаны зоркому авторскому взгляду на то, как оперирует бюрократическая машина и в корпорациях, и в спецслужбах. Атмосфера Слау-башни скорее напоминает мир Дэвида Брента из сериала «Офис», нежели Джеймса Бонда.

The Associated Press

Качественный триллер и смешная, на грани фарса, изумительно циничная карикатура на политиков, функционеров, междоусобную грызню и Большую игру. Совмещая мастерски выписанные диалоги с внезапными остросюжетными сценами, Геррон, подобно Элмору Леонарду, заставляет читателя своих триллеров (жанр, не особо блистающий остроумием со времен Бонда) смеяться и плакать практически одновременно.

Booklist

Мик Геррон прокладывает собственный путь в жанре саспенса. В его произведениях никому не удастся спрятаться под письменным столом.

The New York Times Book Review

Рецензенту нечасто приходится писать: «Ничего подобного вы раньше не читали!» – однако в случае Мика Геррона данный панегирик вполне уместен. Стиль автора уникален для данного жанра: это атмосфера романов Ле Карре, преломленная через призму мрачного юмора Джозефа Хеллера и его «Уловки-22»... мастерское изложение и самобытный юмор.

Financial Times

Романы Мика Геррона – это сатирическая летопись Британии наших дней. С шокирующим злорадством в них начертана траектория развития современного общества.

Economist

Смех с горчинкой и мастерская многоплановость.

Independent

По стилю это напоминает Рэймонда Чандлера, с той лишь разницей, что Геррон держит свои сюжетные линии в куда более крепкой узде, чем это когда-либо удавалось Чандлеру. Его диалоги бесподобны, он мастерски владеет ритмикой подачи – от слова к слову, от фразы к фразе. Его речь создает собственную вселенную, где элементы злого смеха и тоски мешают расположиться слишком комфортно. Как все хорошие прозаики, он сооружает реальность особого, собственного толка и заставляет читателя принять ее.

The Spectator

Самые увлекательные шпионские триллеры за многие годы и лучший детективный цикл текущего тысячелетия.

Mail on Sunday

Восхитительно... сарказм в духе Ивлина Во и Грэма Грина. Джексон Лэм (Фальстаф наших дней) – самый поразительный и неотразимый герой со времен Джека Ричера.

Sunday Times

Стильно и захватывающе.

Washington Post

Славные подвиги, бесславные провалы, разборки, оборачивающиеся налетами, и лихой сюжет, от которого невозможно оторваться.

Esquire

Мастерский триллер... Хитроумный сюжет и живая манера изложения превращают книгу Геррона в первоклассное шоу, в сравнении с которым большинство других произведений в жанре саспенса кажутся бледноватыми и туповатыми. Возможно, на сегодня в английской литературе Геррон – самый эрудированный и самый ушлый создатель триллеров.

Publishers Weekly

Крутой стеб над традиционным романом из жизни агентов британских спецслужб.

Crime Writers' Association

Лучшие современные романы о британской разведке.

Daily Express

Мик Геррон, как все великие писатели, непостижимым образом умеет внушить читателю, будто тот – единственный собеседник автора и единственный адресат его откровений. Как Ле Карре, но меньше мажоров и невероятно смешно. Мик Геррон знает свое дело.

Irish Times

Обладая способностью поэта подмечать мелочи, инстинктом эстрадного юмориста и пристрастием к сценам насилия, Мик Геррон занимает зияющую нишу, опустевшую с уходом на покой Лена Дейтона.

Daily Telegraph

Очаровательная находка: цикл мятежных романов Мика Геррона о «белых воронах» британской контрразведки.

Big Issue

Геррон вплотную приблизился к весовой категории Грэма Грина.

Daily Mail

Если хотите почитать что-то действительно захватывающее, возьмитесь за цикл романов Мика Геррона о Джеконе Лэме и его шайке разведчиков-отщепенцев, пытающихся вырваться со служебных задворков. Начните с «Хромых коней» и наслаждайтесь дальше.

Observer

Цикл романов Геррона о похождениях профнепригодных контрразведчиков, называемых в профессиональной среде «слабаками», провозглашен самым удивительным открытием в данном жанре с тех пор, как Джордж Смайли убрал свой макинтош в дальний шкаф.

Mail on Sunday

Помимо их восхитительного юмора, произведения Геррона нередко завораживают, часто заставляют задуматься, а порой трогательны и даже вдохновенны.

Sunday Express

Недюжинный рассказчик, Геррон мастерски выстраивает повествование. Язык его местами строг, а местами возвышенно лиричен. Остросюжетные сцены стремительны, а реплики персонажей смешны, или грубы, или зловещи:

у каждого есть собственный голос. Геррон владеет всем литературным инструментарием, и сюжеты его сработаны так ладно, что стыки едва ли можно заметить.

Book and Film Globe

Потрясающе правдивое изображение современной британской политики.

Kingdom Books

Геррон лучше кого бы то ни было описывает трагикомизм повседневного противостояния спецслужб и бюрократического аппарата.

Kirkus Reviews

Геррон примечателен своей способностью точно описывать абсурдные ситуации и внутренние конфликты института спецслужб, действующих в центре очагов напряженности и горячих зонах XXI века.

Los Angeles Review of Books

Писательское мастерство Геррона поражает... Необычайно увлекательное повествование...

CrimeReview.com

Геррон жонглирует штампами шпионского романа и триллера, а его повествование, блестящее язвительными остротами и сатирическими описаниями, достойными Ивлиана Во и Кингсли Эмиса, с одинаковой легкостью переходит от напряженных сцен к лирической элегии. Здесь присутствует и интрига, и шпионские страсти, и чисто английский сдержанный юмор, и вульгарные шуточки. Его воображаемая МИ-5 включает в себя злоешие подковерные игры, плещущий через край цинизм, злорадный сарказм и, самое главное, достоверных, пусть и совершенно фантастических, персонажей. Все это щедро сдобрено черным юмором, а внешность и поведение действующих лиц настолько невероятны, что и в любую другую эпоху их сочли бы чрезмерным преувеличением. К счастью (или к великому сожалению, в зависимости от точки зрения), действительность продолжает снабжать автора неисчерпаемыми материалами для последующих романов, и можно только надеяться, что он применит к ним свой особый талант.

The Wall Street Journal

Геррон объединяет героев, места и события в захватывающую смесь, сравнимую с лучшими романами Джона Ле Карре или Лена Дейтона. Прочтешь одну книгу цикла, и сразу же захочется прочесть все остальные.

The Globe and Mail

Цикл романов, включающий в себя все самое привлекательное – острую сатиру, черный юмор, многогранных персонажей и стремительно развивающийся сюжет.

The Cleveland Plain-Dealer

Геррон – тонкий стилист, умело совмещающий ироническую комедию и напряженное остросюжетное повествование.

The Seattle Times

Смешно и увлекательно... триллеры, верные духу времени и написанные гораздо лучше многих современных шпионских романов.

St. Louis Post-Dispatch

Искусно балансируя на грани между сатирой и диффамацией, Геррон создает выдуманных персонажей, в которых при желании угадываются черты реально существующих общественных деятелей. Стиль повествования без видимых усилий переходит от высокого к низкому, но больше всего привлекает живость диалогов: сценаристам будущего телесериала почти нечего менять. Геррон пишет с неподражаемым юмором и ловко закручивает сюжет.

Guardian

Завораживающий цикл романов, один из самых изумительных за последнее время, действие которого происходит в основном в Лондоне. Он очаровывает своей абсолютной злободневностью, неприкрытым скептицизмом и в то же время оптимистичным настроением.

The Arts Desk

Для всех, кто интересуется жанром триллера, романы Мика Геррона из цикла «Слау-башня» занимают одну из верхних позиций в рейтинге. Геррон не только прекрасный стилист, но и мастер великолепных комических диалогов.

Literary Review

Будто Филип Ларкин или Алан Беннет решили взяться за остросюжетный жанр.

Sunday Times

Если бы Слау-башня на Олдерсгейт-стрит существовала на самом деле, то могла бы стать такой же достопримечательностью литературного Лондона, как «Лавка древностей» на Портсмут-стрит.

Evening Standard

1

В Суиндоне выбило пробки, и все движение на юго-западной железной дороге замерло. На Паддингтоне с табло исчезло время отправления, сменившись надписями «Задерживается», и составы застыли на путях; несчастные пассажиры кучковались вокруг чемоданов на перронах, а те, кто привык к ежедневным пригородным поездкам, направлялись в пабы или звонили домой, сообщали супругам железобетонное алиби и линяли к своим городским любовницам. В тридцати шести минутах от Лондона скорый поезд в Вустер остановился на открытом участке железной дороги с видом на Темзу. Огни жилых барж отражались в реке, освещая пару каноэ, которые исчезли из виду, едва Дикки Боу их заметил: холодным мартовским вечером от двух стремительных хрупких скорлупок остался только след на воде.

Пассажиры в вагоне недовольно бормотали, поглядывали на часы, звонили по мобильникам. Дикки Боу, входя в роль, сокрушенно поцокал языком. Часов он не носил, а звонить было некому. Он ехал без билета, неизвестно куда.

Через три сиденья от него объект возился с кейсом.

В динамиках системы оповещения зашуршало.

– Внимание, говорит машинист. К сожалению, вынужден уведомить вас, что поезд дальше не пойдет в связи с неисправностью путевого оборудования на окраине Суиндона. В настоящее время мы...

Раздалось шипение и потрескивание, голос оборвался, но по-прежнему еле слышно доносился из соседних вагонов. Потом четко прозвучало:

– ...состав вернется в Рединг, где автобусы доставят...

Объявление было встречено дружным унылым стоном, бранными восклицаниями и, к изумлению Дикки Боу, немедленной готовностью. Машинист еще не договорил, а пассажиры уже натянули куртки и пальто, спрятали ноутбуки, закрыли сумки и повставали с мест. Поезд качнулся, река потекла в обратном направлении, и вскоре снова показался редингский вокзал.

Воцарился хаос: высыпав в толчею на платформе, пассажиры соображали, что не знают, куда идти. Дикки Боу тоже не знал, но его больше интересовал объект, который тут же затерялся в людском море. Однако же многоопытный Дикки не стал паниковать. К нему возвращались старые навыки. Он будто и не покидал Шпионский зоосад.

Правда, в те дни Дикки Боу нашел бы закуток у стены и выкурил сигарету. Здесь покурить было негде, но это не остановило ни спазм никотинового голодания, ни внезапную боль в бедре, резкую, будто осиный укус, такую сильную, что Дикки невольно охнул. Он сжал больное место, рука наткнулась сперва на угол чьего-то беззаботного портфеля, потом на скользкую противную влажность чьего-то зонтика. Смертельное оружие, подумал Дикки. Офисный планктон вооружен и очень опасен.

Толпа увлекала Дикки вперед, сопротивляться было бесполезно, но внезапно все сложилось как надо, потому что он снова установил визуальный контакт: объект, прикрыв лысую голову шляпой и зажав кейс под мышкой, стоял у эскалатора на пешеходный мост. Дикки, окруженный усталыми путниками, прошаркал мимо, поднялся по эскалатору и наверху скользнул в уголок. Мост вел к главному выходу из вокзала. Дикки решил, что этим путем все и пойдут, как только станет известно, куда подадут автобусы.

Он закрыл глаза. День выдался необычный. Как правило, к этому времени, около семи вечера, все острые грани сглаживались: обычно Дикки просыпался около полудня, после пяти часов беспокойного сна. Черный кофе и сигаретка дома. Душ, если требовалось. Потом «Звезда», где «Гиннесс» с прицепом – стопкой виски – либо приносили облегчение, либо строго предупреждали, что твердой пищи сегодня лучше избегать. Суровые трудовые будни давно остались позади. В те далекие дни у Дикки случались проколы: в подпитии он путал

монахинь со шлюхами, а копов с приятелями; по трезвяне он встречался взглядом с бывшими женами, но, к их несказанному облегчению, не узнавал. Хреновое было время.

Но даже тогда ни разу не бывало, чтобы самый что ни на есть настоящий московский засланец проскочил мимо, не признав Дикки.

Внезапно поднялась суета: объявили про автобусы и все ринулись в переход. Дикки помедлил у табло, пока объект не прошел мимо, а потом позволил толпе потащить себя дальше. Между ним и объектом было всего три человека – слишком близко, слишком быстро, но хореографию толпы заранее не просчитаешь.

А толпа была не из веселых. Она протиснулась через турникеты и обрушилась на станционных служащих, которые успокаивали, объясняли и указывали на другие выходы. На улице толпу встретила мокрая темень. Автобусов не было. Толпа выплеснулась на привокзальную площадь. Дикки Боу, сдавленный объятьями толпы, не сводил глаз с объекта, который спокойно стоял и ждал.

Прерванное путешествие¹, подумал Дикки. В этой сфере деятельности – он забыл, что больше не имеет отношения к этой сфере деятельности, – приходилось рисковать, и объект наверняка просчитал все риски, прежде чем сойти с поезда: плыть по течению, не привлекать внимания и любыми доступными способами продолжать свой путь. Куда именно, Дикки понятия не имел. Поезд шел в Вустер, но с частыми остановками. Объект мог выйти где угодно. И Дикки твердо знал, что выйдет там же.

Автобусы, числом три штуки, выехали из-за угла. Толпа напряглась, подалась вперед, и объект двинулся сквозь массу людей, как ледокол, вскрывающий арктические льды, а Дикки пошкандыбал следом, в кильватере. Кто-то пытался выкрикивать инструкции, но голоса крикуну не хватало, а вскоре его и вовсе заглушило недовольное бормотание тех, кому не было слышно.

Впрочем, объект знал, что к чему. Объект устремился к третьему автобусу, поэтому Дикки заскользил сквозь хаос туда же. Билетов никто не проверял. Дикки вошел в автобус и направился в конец салона, откуда прекрасно просматривался объект, в двух рядах впереди. Дикки сел и устроился поудобнее, смежил веки. В каждой операции рано или поздно наступает затишье. Когда оно наступает, можно закрыть глаза и провести инвентаризацию. Дикки оказался далеко от дома, с шестнадцатью фунтами в кармане. Хотелось выпить, но с этим придется повременить. Однако в плюсах то, что он здесь и сейчас; он даже не подозревал, как соскучился жить настоящей, полной жизнью, а не в дурмане беспросветного пьянства.

Собственно говоря, он как раз и заливал глаза, когда заметил объект. Прямо там, в «Звезде». У гражданского отвисла бы челюсть: ни фиги себе. А профессионал, даже вышедший в тираж, взглянул на часы, допил свой «Гиннесс», сложил номер «Пост» и вышел. Поторчал у букмекерской конторы за два дома от паба, вспоминая, когда в последний раз видел это лицо и в чьей компании. Тогда объект был одним из игроков помельче. Тогда он держал бутылку и лил ее содержимое в насильно раскрытый рот Дикки; эпизодическая, бессловесная роль. Вовсе не объект вызывал у Дикки невольную дрожь... Минут через десять объект вышел из паба, и Дикки неприметно увязался за ним – Дикки, который с легкостью выследил бы хорька в лесу, не то что заблудшего призрака. Отголосок прошлого. Эхо Шпионского зоосада.

(Берлина, если вы так настаиваете. Шпионским зоосадам называли Берлин, в то время, когда клетки только-только открыли и перепуганные хмыри высыпали на свет божий, будто жуки из потревоженного гнилого пенька. Дважды в день, а то и чаще, какой-нибудь обливающийся холодным потом претендент на звание ценного источника информации стучал в дверь, утверждая, что принес картонный чемоданчик с несметными сокровищами: секретные сведе-

¹ Аллюзия на британский триллер «Прерванное путешествие» (реж. Дэниель Бирт, 1949), где железнодорожное сообщение прерывается из-за крушения пассажирского поезда. – *Здесь и далее примеч. перев.*

ния об обороне, о ракетном щите, о тлетворных тайнах... И все же, невзирая на такую бурную деятельность, на разрушенной стене возникли грозные письма: у всех уничтожено прошлое, а у Дикки Боу – будущее. «Спасибо, приятель. Боюсь, теперь у нас отпала нужда в твоих, гм... навыках. Пенсия? Какая еще пенсия?» Естественно, он вернулся в Лондон.)

Водитель что-то объявил, но Дикки не расслышал. Двери с шипением закрылись, дважды твякнул клаксон, прощаясь с другими автобусами. Потирая бедро, задетое уголком портфеля или кончиком зонта, Дикки размышлял об удаче и о том, в какие странные места она порой заводит. Как, например, с улицы в Сохо – в метро, а из метро – на вокзал Паддингтон, потом на поезд, а теперь вот – в автобус. Правда, пока еще неизвестно, удача это или наоборот.

В салоне погас свет, и автобус ненадолго превратился в странствующую тень. Потом пассажиры включили лампочки над сиденьями, вспыхнули голубые экраны ноутбуков, призрачной белизной засияли пальцы, сжимающие айфоны. Дикки вытащил из кармана свой телефон, но никаких сообщений там не оказалось. Их никогда не было. Он проглядел список контактов и поразился его скудости. Через два сиденья впереди объект свернул газету в рулон, сунул между коленей и повесил на нее шляпу. Уснул, наверное.

Автобус выехал из Рединга. За окнами тянулся темный сельский ландшафт. Вдали, на трубе Дидкотской ТЭЦ, светилась восходящая цепочка красных сигнальных огней, но градиент не было видно.

Дикки сжал телефон в руке, как гранату. Потер кнопки большим пальцем, нащупал крошечную пимпочку в центре – ориентир для набора в темноте. Сообщений от Дикки никто не ждал. Дикки был ископаемым. Мир ушел далеко вперед. Какое сообщение ему послать? Что Дикки заметил объект из прошлого и ведет его? Кому это интересно? Мир ушел далеко вперед. И оставил Дикки позади.

В отставку теперь отправляли мягко. В закоулках Сохо поговаривали, что нынче даже самым бесполезным давали шанс. Как и все остальные госструктуры, Контора увязла в правилах и предписаниях: если уволить бесполезных, то на тебя подадут в суд за дискриминацию бесполезных. Поэтому Контора отправляла таких бесполезных в богом забытую дыру и заваливала их бумажной работой – намеренное управленческое притеснение, чтобы ты сам уволился. Их называли хромыми конями или клячами. Слабаками. Лузерами. Их называли хромыми конями, и заправлял ими Джексон Лэм, которого Дикки знал еще по Шпионскому зоосаду.

Мобильник пискнул, извещая не о полученном сообщении, а о разряжающейся батарее.

Дикки было хорошо знакомо это чувство. Сказать ему нечего. Внимание стало рассеянным, перескочило на что-то еще. Гудели ноутбуки, шептали мобильные телефоны, а у Дикки голоса не было. И двигаться он не мог, только едва шевелил пальцами. Крошечная пимпочка в центре чуть царапала подушечку большого.

Надо было отправить важное сообщение, но Дикки не знал, какое именно и кому. На краткий сияющий миг он понял, что во влажном тепле вдыхает тот же воздух и слышит ту же мелодию, что и остальные. Но мелодия ускользнула за пределы слуха, ее было не вспомнить. Все померкло, кроме пейзажа за окном. Одна за другой тянулись черные складки ландшафта, утыканные огоньками, будто блески на шарфе. А потом огни расплылись и угасли, тьма нахлынула еще раз, последней волной, и автобус продолжал катить сквозь ночь, чтобы доставить в Оксфорд все собранные под дождем бранные души. Кроме одной.

Часть первая

Черные лебеди

2

Теперь, когда на Олдерстейт-стрит, в лондонском боро Финсбери, завершились дорожные работы, здесь стало гораздо спокойнее; пикник тут по-прежнему не устроишь, но улица больше не напоминает место недавнего ДТП. Пульс всего района нормализовался, и, хотя уровень шума все еще зашкаливает, в нем больше не слышно мерного стука отбойных молотков, зато иногда звучат обрывки уличных мелодий: поют автомобили, свистят такси, а местные жители с удивлением взирают на безостановочно текущий поток машин. Было время, когда предусмотрительные люди брали с собой обед, отправляясь на автобусе за несколько кварталов, в дальний конец улицы, а сейчас приходилось ждать по полчаса, чтобы эту самую улицу перейти.

Наверное, это типичный пример того, как городские джунгли берут свое, а если хорошенько приглядеться, в любых джунглях отыщутся звери. Однажды здесь видели лису, среди бела дня трусившую из Уайт-Лайон-Корта к жилкомплексу «Барбикан», где среди замысловатых клумб и причудливых фонтанов можно отыскать и птиц, и крыс. Там, где над водой нависают ветви деревьев и кустов, прячутся лягушки. В сумерках появляются летучие мыши. Поэтому никого не удивит, если вдруг с одной из башен «Барбикана» спрыгнет кошка, замрет на брусчатке прямо перед нами и посмотрит сразу во все стороны, не поворачивая головы, как умеют только кошки. Сиамка. Светлая, короткошерстая, узкоглазая, стройная и гибкая, способная, как все кошки, протискиваться в любую щелку, будь то чуть приотворенная дверь или почти закрытое окно. Замирает она лишь на миг. И тут же убегает.

Эта кошка неумна, как слухи или сплетни; она пересекает пешеходный виадук, спускается по лестнице к станции метро и выбирается на тротуар. Любой другой кот помедлил бы, переходя дорогу, но наша кошка, полагаясь исключительно на свои чутье, слух и скорость, оказывается на противоположной стороне прежде, чем водитель фургона успевает нажать на тормоза. А кошка исчезает. Вроде бы. Водитель сердито зыркает в окно, но видит только черную дверь в грязной нише между газетной лавочкой и китайским ресторанчиком; облезлая древняя краска основательно заляпана дорожной грязью, на ступеньке стоит пожелтевшая от времени молочная бутылка. Кошки и след простыл.

Разумеется, она просквозила на задний двор. В Слау-башню не попадают с парадного входа; вместо этого ее узники сворачивают в темный проулок, после чего оказываются в замызанном дворике с плесневелыми, осклизшими стенами, перед дверью, которая по утрам обычно требует доброго пинка, потому что покорибилась от сырости, холода или внезапной жары. Но ловким лапкам нашей кошки не требуется никаких дополнительных усилий; она в мгновение ока проскальзывает в дверь и поднимается по крутому лестничному пролету к паре кабинетов.

Здесь, на втором этаже – первый этаж занимают соседи: китайский ресторанчик «Новая империя» и газетная лавочка, ежегодно меняющая название, – трудится Родерик Хо в своем кабинете, превращенном в джунгли электромонтажные; по углам угнездились сломанные клавиатуры, петли ярких проводов свисают, как кишки, выпущенные из мониторов со снятыми задними панелями. Серые стеллажи завалены руководствами по программному обеспечению, мотками кабеля и обувными коробками, полными металлических деталей странной формы, а рядом с рабочим столом Хо раскачивается картонная башня из любимого строительного материала нердов: коробок из-под пиццы. В общем, много всего.

Но когда наша кошка просовывает голову в дверь, то видит только Хо. Кабинет целиком и полностью в его единоличном распоряжении, и Хо это нравится, потому что он питает неприязнь к другим людям, однако ему никогда не приходит в голову, что другие люди могут питать неприязнь к нему. Луиза Гай не раз высказывала предположение, что у Хо ярко выраженное расстройство аутического спектра, на что Мин Харпер привычно отвечал, что в дополнение к этому у Хо еще и мудозвонство зашкаливает. Заметь Хо присутствие нашей кошки, то немедленно швырнул бы в нее банкой из-под колы и очень расстроился бы, что не попал. Однако Родерику Хо в голову не приходит еще и то, что ему гораздо лучше удастся попадать в неподвижные мишени. Он почти всегда метко зашвыривает пустые банки в мусорную корзину, что стоит в противоположном углу кабинета, но редко когда видит дальше своего носа.

Итак, наша кошка, целая и невредимая, удаляется инспектировать соседний кабинет. В нем два новичка, недавно сосланные в Слау-башню: один белый, один черный, один женского пола, другой – мужского; они здесь так недавно, что их имен пока не знают; оба удивлены незваной гостьей. Кошка здесь завсегдатай? Еще один, так сказать, хромой конь? Тоже из слабаков? Или это проверка? Они обеспокоенно переглядываются, объединенные недолгим смятением, но наша кошка выскальзывает в коридор и взбирается на следующую лестничную площадку, к очередным двум кабинетам.

В первом сидят Мин Харпер и Луиза Гай, и если бы Мин Харпер и Луиза Гай были повнимательнее и заметили кошку, то смутили бы ее донельзя. Луиза опустила бы на колени, подхватила кошку на руки и прижала ее к своей впечатляющей груди – тут мы забредаем в сферу интересов Мина: грудь, которую не назовешь ни слишком маленькой, ни слишком большой, грудь в самый раз; а сам Мин, если бы он на миг отвлекся от Луизиных сисек, по-мужски сгреб бы кошку за шкуру, а кошка склонила бы голову, чтобы обменяться с ним понимающим взглядом, оценивая кошачьи качества друг друга – не пушистость и мягкость, а ночную грацию, умение ходить в темноте и хищные повадки, таящиеся в дневной кошачьей жизни.

И Мин, и Луиза пожалели бы, что нет молока, но ни один бы за ним не отправился, – они просто дали бы понять, что им не чужды такие понятия, как «добродота» и «молоко». Так что перед уходом из их кабинета наша кошка пометила бы коврик у порога, и совершенно заслуженно.

И проществовала бы в кабинет Ривера Картрайта. Хотя она пробралась бы туда так же неприметно, как и во все остальные помещения, ее бы это не спасло. Ривер Картрайт, русоволосый парень с бледной кожей и маленькой родинкой над верхней губой, немедленно оторвался бы от своего занятия – изучения документов, разглядывания компьютерного экрана или еще чего-то подобного, что не требует активных действий и, возможно, объясняет дух раздраженности, отравляющий здешнюю атмосферу, – и смотрел бы кошке прямо в глаза до тех пор, пока она не отвела бы взгляд, смущенная таким пристальным вниманием. Картрайту не пришла бы в голову мысль о молоке; вместо этого он занялся бы анализированием возможных кошачьих действий и размышлениями о том, мимо скольких дверей она проскользнула, прежде чем добралась до него, равно как и о том, что вообще привело ее в Слау-башню и какие ею движут мотивы. Но пока бы он обо всем этом размышлял, наша кошка так же неприметно удалилась бы и отправилась к последнему лестничному маршу, в поисках менее взыскательного приема.

Памятуя об этом, она обнаружила бы первый из двух оставшихся кабинетов – более гостеприимное место, куда можно войти, потому что здесь трудится Кэтрин Стэндиш, а Кэтрин Стэндиш знает, как обращаться с кошками. Кэтрин Стэндиш игнорирует кошек. Кошки – либо прихлебатели, либо заместители, а Кэтрин Стэндиш не терпит ни тех ни других. Обзавестись кошкой означает первый шаг к обзаведению двумя кошками, а для одинокой женщины, которой до пятидесяти рукой подать, владение двумя кошками равнозначно объявлению о том, что жизнь кончена. В жизни Кэтрин Стэндиш было достаточно жутких моментов, но она их все пережила, каждый по отдельности, и не собиралась сдаваться. Так что наша кошка может

расположиться здесь поудобнее, но как бы она ни выказывала свою нежную привязанность, как бы ни вилась гибкой тенью у ног Кэтрин, угощения ей не дожидаться: ни сардинок, заботливо промокнутых бумажной салфеткой, ни сметаны или сливок на блюдечке. А поскольку ни один уважающий себя кот не может существовать без поклонения и обожания, наша кошка с достоинством покинет кабинет и направится к соседней двери...

...к логову Джексона Лэма, с наклонным потолком и с окном за опущенной шторкой, где единственный свет исходит от настольной лампы, водруженной на стопку телефонных справочников. В спертом воздухе зависла обонятельная мечта любой собаки: еда навывнос, запрещенное в помещении курево, выпущенные из кишечника газы и выдохшееся пиво, но разбираться во всем этом нет времени, потому что Джексон Лэм, несмотря на свои внушительные размеры, двигается с удивительной быстротой, точнее – может, если ему того захочется. В один миг он схватил бы нашу кошку за горло, поднял шторку, распахнул окно и вышвырнул бедняжку на дорогу, где она, кошка, несомненно приземлилась бы на все четыре лапы, как подтверждают и наука, и слухи, и равным же образом несомненно оказалась бы перед движущимся транспортным средством, поскольку об уличном движении на Олдерсгейт-стрит уже упоминалось ранее. Глухой удар и протяжный скрежет тормозов, возможно, донеслись бы до верхних этажей, но к тому времени Лэм уже закрыл бы окно и сидел бы на своем стуле, плотно смежив веки и переплетя на пузе пальцы-сосиски.

Но к счастью для нашей кошки, она воображаемая, иначе жестокий конец был бы неминуем. И опять-таки к счастью, в то самое утро происходит невозможное, и Джексон Лэм не дремлет за своим столом, не шастает по кухне, тыря съестное у подчиненных, и не снует вверх-вниз по лестнице со свойственной ему способностью двигаться бесшумно, как призрак, которой он пользуется по желанию. Лэм не стучит в пол, то есть в потолок кабинета Ривера Картрайта, исключительно для того, чтобы замерить, сколько времени понадобится Картрайту для появления перед начальником, и не игнорирует Кэтрин Стэндиш, когда она приносит очередной затребованный им отчет, до такой степени бесполезный и никому не нужный, что сам Лэм о нем забыл. Иными словами, его здесь нет.

И никто в Слау-башне не знал, где он.

А Джексон Лэм был в Оксфорде, где ему пришла в голову совершенно новая идея, которую надо бы донести до пиджачников в Риджентс-Парке. Новая идея Лэма заключалась в следующем: вместо того чтобы посылать новичков в укромные уголки на границе с Уэльсом, где за немалые бюджетные деньги обучают противостоять допросу с пристрастием, их следует отправлять на железнодорожную станцию в Оксфорде для непосредственного знакомства с поведением тамошнего персонала. Потому что подготовка, которую проходят все до единого работники станции, начисто отбивает у них желание разглашать какую-либо информацию.

– Вы здесь работаете?

– Сэр?

– Вечером прошлого вторника была ваша смена?

– Номер горячей линии указан на всех наших объявлениях, сэр. Если у вас есть претензии...

– У меня нет претензий, – сказал Лэм. – Я просто хочу знать, были ли вы на службе в прошлый вторник, вечером.

– А зачем вы это хотите знать, сэр?

Лэм уже трижды наткнулся на стену молчания. Четвертым опрашиваемым был коротышка с зачесанными назад волосами и седыми усами, которые иногда сами собой подергивались. Он напоминал хорька в мундире. Лэм с удовольствием сейчас схватил бы его за задние лапы и щелкнул им, как кнутом, но поблизости ошивался полицейский.

– Предположим, что это важно.

Разумеется, у Лэма было служебное удостоверение, выданное на агентурный псевдоним, но совсем не обязательно быть рыбаком, чтобы знать, что лучше не швырять камни в тот пруд, куда собираешься закидывать удочку. Если бы кто-нибудь позвонил по номеру, указанному в удостоверении, то звонок сразу же аукнулся бы в Риджентс-Парке. А Лэм не хотел, чтобы пиджачники начали спрашивать, чем таким ему вздумалось заняться, потому что и сам не был уверен, чем ему вздумалось заняться, а уж этой информацией он и подавно не собирался делиться.

– Очень важно, – добавил он, постукивая по лацкану.

Из внутреннего кармашка торчал хорошо заметный краешек бумажника, из которого высовывалась хорошо заметная купюра номиналом в двадцать фунтов.

– А!

– Полагаю, это означает «да».

– Вы же понимаете, сэр, нам приходится держаться настороже. В смысле, в отношении расспросов на крупных транспортных узлах.

Что ж, примем к сведению, подумал Лэм, что на данном транспортном узле террористы столкнутся с самым яростным отпором. До тех пор, пока не помашут банкнотами.

– В прошлый вторник, – сказал он, – сообщение на линии по какой-то причине было нарушено.

Станционный служащий тут же замотал головой:

– Только не у нас, сэр. У нас все было в порядке.

– Все было в порядке, только поезда не ходили.

– Здесь ходили. Задержка произошла в другом месте.

– Понятно. – Лэм уже очень давно не поддерживал такой продолжительной беседы, обходясь без бранных слов. Его подчиненные, слабаки, наверняка поразились бы, за исключением новичков, которые заподозрили бы какой-то подвох. – Вне зависимости от того, в чем заключалась причина задержки, пассажиров доставили сюда автобусами, из Рединга. Потому что поезда не ходили.

Хорек напряженно сдвинул брови и, углядев лазейку, которая может положить конец этим расспросам, немного ускорился с ответами.

– Совершенно верно, сэр. Доставили автобусами.

– А откуда пришли автобусы?

– В данном конкретном случае, сэр, по-моему, они пришли из Рединга.

Ну естественно. Джексон Лэм вздохнул и полез за сигаретами.

– Здесь курить запрещено, сэр.

Лэм заложил сигарету за ухо.

– Когда следующий поезд на Рединг?

– Через пять минут, сэр.

Лэм прокряхтел что-то вроде благодарности и повернул к турникетам.

– Сэр?

Лэм оглянулся.

Не сводя глаз с Лэмова лацкана, хорек потер большим и указательным пальцем, имитируя шелест.

– Что?

– Я думал, вы хотите...

– Дать вам кое-что?

– Да.

– Что ж, даю вам хороший совет. – Лэм коснулся указательным пальцем носа. – Если у вас есть претензия, номер горячей линии указан на всех объявлениях.

Потом он вышел на платформу и стал ждать поезда.

Тем временем на Олдерсгейт-стрит два новых слабака в кабинете на втором этаже оценивали друг друга. Оба прибыли прошлым месяцем, в течение пары недель друг от друга; обоих изгнали из Риджентс-Парка, то есть из места, считающегося средоточием моральных и духовных ценностей Конторы. Общеизвестно, что Слау-башня (не настоящее название здания, у которого не было настоящего названия) служила своего рода отстойником: перевод сюда был временным, потому что те, кого переводили, вскоре, как правило, увольнялись по собственному желанию. В этом и заключалась цель перевода: над головами провинившихся зажигался указатель с надписью «ВЫХОД». Их самих называли слабаками, хромыми конями, клячами. «Слау-башня» – «слабаки». Игра слов основывалась на такой давней шутке, что причину ее возникновения уже почти забыли.

Эти двое – сейчас уже можно назвать их по именам: Маркус Лонгридж и Ширли Дандер – знали друг о друге в своих прошлых ипостасях, но, поскольку Риджентс-Парк предпочитал строгие разграничения, сотрудники департамента Операций и сотрудники департамента Связи, как разные виды рыб, держались в разных стаях. Поэтому сейчас, как свойственно всем новичкам, они с одинаковым подозрением приглядывались и друг к другу, и к местным старожилам. Однако же мир Конторы относительно невелик, и любые слухи успевали облететь его дважды, прежде чем рассеивался дым очередного крушения. Итак, Маркус Лонгридж (около сорока пяти, чернокожий, рожденный на юге Лондона, в семье выходцев с Карибских островов) знал, как именно Ширли Дандер вылетела из департамента Связи, а Дандер, которой было двадцать с небольшим, смахивающая на уроженку Средиземноморья (прабабушка-шотландка, по соседству лагерь военнопленных, интернированный итальянец, получивший увольнительную на день), слыхала о том, что Лонгридж после нервного срыва посещал обязательные консультации штатного психолога, но ни тот ни другая не обсуждали друг с другом ни это, ни что-либо еще. Их дни были заняты повседневной рутинной офисной сосуществованием и всевозрастающим осознанием безнадежности своего положения.

Первый шаг сделал Маркус, произнеся одно-единственное слово:

– Так.

Близился полдень. Лондонская погода страдала шизоидными приступами: внезапные солнечные лучи освещали замызганные окна; внезапные порывы дождя не могли отмыть стекла.

– Что «так»?

– Так вот.

Ширли Дандер ждала, когда перезагрузится ее компьютер. В очередной раз. Программа распознавания лиц сравнивала кадры с камер наружного наблюдения, сделанные во время демонстраций и митингов протеста, с фотороботами подозреваемых джихадистов, точнее, тех джихадистов, о существовании которых подозревали; джихадистов с прозвищами и всем прочим, сведения о которых, возможно, основывались лишь на слухах, полученных в результате некомпетентно проведенной разведывательной работы. Программа, устаревшая на два года, была все же значительно новее самого компьютера, который болезненно воспринимал все то, что от него требовали, и дал об этом знать уже трижды за сегодняшнее утро.

Не отрывая глаз от экрана, Ширли сказала:

– Ты со мной заигрываешь или как?

– Смелости не хватит.

– Потому что это было бы неразумно.

– Наслышан.

– Вот так-то.

Еще с минуту ничего не происходило. Ширли чувствовала, как тикают ее наручные часы; чувствовала через столешницу, как компьютер пытается вернуться к жизни. Внизу слышались шаги двоих. Харпер и Гай. Интересно, куда они, подумала Ширли.

– Теперь, когда мы установили, что я с тобой не заигрываю, можно поговорить?

– О чем?

– О чем угодно.

Она мрачно посмотрела на него.

Маркус Лонгридж пожал плечами:

– Нравится тебе это или нет, но мы с тобой в одном кабинете. Хуже не станет, если сказать что-то, кроме «закрой дверь».

– Я никогда не говорила тебе «закрой дверь».

– Ну или что-то в этом роде.

– Вообще-то, мне нравится, когда она открыта. Тогда нет ощущения, что сидишь в тюремной камере.

– Отлично, – сказал Маркус. – Видишь, вот мы и начали разговор. Ты сколько в тюрьме отсидела?

– Знаешь, у меня нет настроения. О'кей?

Он пожал плечами:

– О'кей. Но до конца рабочего дня осталось шесть с чем-то часов. И двадцать лет до пенсии. Если хочешь, можно провести это время в молчании, но тогда один из нас сойдет с ума, а другой станет психом.

Он склонился над клавиатурой.

Внизу хлопнула дверь. Экран компьютера Ширли вспыхнул синевой и, поразмыслив, снова отключился. После попытки завязать разговор отсутствие общения звучало пожарной сиреной. Часы Ширли вибрировали. Ничего не поделаешь, придется сказать.

– За себя говори.

– О чем?

– Двадцать лет до пенсии.

– Ну да.

– А мне до пенсии лет сорок.

Маркус кивнул. На его лице ничего не отразилось, но внутренне он ликовал.

Он умел распознавать начало.

В Рединге Джексон Лэм отыскал начальника вокзала и с видом рассеянного профессора обратился к нему. Глядя на Лэма, нетрудно было поверить в то, что он занимается научной работой: усыпанные перхотью плечи, зеленый джемпер в пятнах еды, пронесенной мимо рта, обмахившиеся манжеты, торчащие из рукавов плаща, редкие русые волосы, зачесанные назад со лба. Лишний вес он явно приобрел, просиживая штаны в библиотеках, щетина на щеках свидетельствовала о лени, а не о следовании моде. Он чем-то напоминал Тимоти Сполла², только с плохими зубами.

Начальник вокзала объяснил ему, как пройти в автобусный парк, и через десять минут Лэм снова выступал в амплуа рассеянного профессора, на этот раз с ноткой скорби.

– Мой брат, – сказал он.

– Ох... Мои соболезнования.

Лэм смиренно отмахнулся.

– Нет-нет, это ужасно. Я вам сочувствую.

² Тимоти Леонард Сполл (р. 1957) – популярный британский киноактер, известный, в частности, по роли Питера Петтигрю в цикле фильмов о Гарри Поттере, а также сыгравший главную роль в фильме «Уильям Тернер» (2014).

– Мы много лет не общались.

– Ну, от этого еще хуже.

Лэм, не имевший своего мнения на этот счет, согласно покивал:

– Да, да, конечно.

С затуманившимся взглядом он словно бы припоминал воображаемый эпизод из детства, когда братья, исполненные абсолютной братской любви, еще не догадывались, что неумолимое время вобьет между ними клин и что, повзрослев, они прекратят общение, и все это для одного из них оборвется в автобусе, в оксфордской ночи, где его настигнет...

– Сердечный приступ?

Не в силах вымолвить ни слова, Лэм кивнул.

Начальник автобусного парка сокрушенно покачал головой. Того и гляди, пойдет дурная слава – пассажир умер в автобусе. С другой стороны, компания за это не в ответе. Вдобавок на трупе не обнаружили билета.

– Мне хотелось бы...

– Ну конечно...

– А в каком автобусе это произошло? Он сейчас в парке?

На открытой стоянке было четыре автобуса, еще два стояли в гараже, и начальник парка точно знал, какой из них невольно стал катафалком, – тот, что был припаркован в десяти метрах от них.

– Мне хотелось бы в нем посидеть, – сказал Лэм. – На его месте... понимаете ли.

– Не совсем...

– Я не то чтобы верю в жизненную силу, – объяснил Лэм дрогнувшим голосом, – но и не то чтобы не верю в нее... не поймите меня превратно.

– Да-да, конечно.

– Если вы не возражаете, я просто посижу чуть-чуть там, где он сидел, когда... когда скончался...

Не в силах продолжать, он обратил взгляд на кирпичную ограду и на офисное здание за ней. К реке летела пара казарок, печальными криками оттеняя скорбь Лэма.

Во всяком случае, так показалось начальнику автобусного парка.

– Вон тот, – сказал он. – В нем все и случилось.

Лэм оторвался от созерцания небес и окинул начальника благодарным невинным взглядом.

Ширли Дандер потарабанила по капризному монитору кончиком карандаша и, не добившись никакой реакции, положила карандаш на стол. Карандаш стукнул о столешницу, а Дандер коротко, шумно выдохнула, выпятив губы.

– Что?

– В каком смысле «смелости не хватает»? – спросила она.

– Не понял.

– Я спросила, ты со мной заигрываешь или как, а ты сказал «смелости не хватает».

– Ну, до меня дошел слух, – ответил Маркус Лонгридж.

Еще бы, подумала она. Слух до всех дошел.

Ширли Дандер, ростом с метр шестьдесят, была кареглазой, с оливково-смуглой кожей и пухлыми не улыбающимися губами, широкой в плечах и в бедрах. В одежде она предпочитала черный цвет: черные джинсы, черные футболки, черные кроссовки. Однажды в ее присутствии какой-то мудака, известный своей сексуальной некомпетентностью, заявил, что привлекательности в ней столько же, сколько в чугунной колесоотбойной тумбе. В день, когда объявили о ее переводе в Слау-башню, Дандер остриглась под бокс и с тех пор еженедельно подновляла прическу.

Вне всякого сомнения, людей к ней тянуло, в частности одного начальника подразделения Конторского департамента Связи, который неотступно преследовал ее, невзирая на то что у нее был постоянный партнер. Начальник подразделения начал оставлять записки на ее столе и в любое время дня и ночи звонил домой ей и ее партнеру. Естественно, учитывая место работы начальника, эти звонки было невозможно ни отследить, ни зарегистрировать. Столь же естественно, как и то, что, учитывая место работы Дандер, она без труда их отследила.

Разумеется, существовали надлежащие правила и инструкции; процедура подачи и рассмотрения жалоб предполагала скрупулезное протоколирование случаев «неподобающего поведения» и свидетельств «неуважительного отношения»; все это не производило особого впечатления на работников Риджентс-Парка, в программу испытательного срока которых входил обязательный восьминедельный курс боевой подготовки. Однажды означенный начальник позвонил Ширли шесть раз за одну ночь, а потом подошел к ней в столовой и осведомился, хорошо ли ей спалось. Ширли Дандер вырубил его одним ударом.

Возможно, это сошло бы ей с рук, но она вздернула его на ноги и врезала еще раз.

«Трудности», – постановил отдел кадров. Ясно было, что Ширли Дандер испытывает определенные трудности.

Пока она все это вспоминала, Маркус говорил:

– Ну да, все слышали. Говорят, ты его чуть ли не к потолку отфутболила.

– Только в первый раз.

– Тебе еще повезло, что не уволили.

– Точно знаешь?

– Понял, не дурак. Но устраивать драку в Центре оперативного управления... Ребят увольняли и за меньшее.

– Ребят – возможно, – сказала она. – А вот уволить девчонку за то, что она врезала мудаку, который ей проходу не дает, – стыд и позор. Особенно если «девчонка» собирается подать в суд за сексуальные домогательства. – (Кавычки вокруг «девчонки» слышались так ясно, будто она сказала «цитирую».) – Вдобавок у меня было преимущество.

– Какое?

Она обеими ногами оттолкнулась от стола, и стул взвизгнул, резко проехав по полу.

– А тебе зачем?

– Просто так.

– Для просто так ты слишком любопытный.

– Ну а какой же разговор без любопытства?

Она пристально посмотрела на него. Для своего возраста он выглядел неплохо; левое, чуть приспущенное веко придавало ему настороженный вид, будто он все время оценивал все вокруг. Волосы длиннее, чем у нее, но ненамного; аккуратно подстриженная бородка и усы, тщательно выбранная одежда. Сегодня он был в глаженных джинсах и белой рубашке с воротником-стойкой под серым пиджаком; черно-лиловый шарф от Николь Фархи висел на вешалке. Дандер все это заметила не потому, что ей было интересно, а потому, что собирала информацию. Обручального кольца он не носил, но это еще ни о чем не говорило. К тому же все либо в разводе, либо несчастны.

– Ладно, – сказала она. – Но если ты меня подкальываешь, то на своей шкуре испытаешь силу моего удара.

Он вскинул руки, сдаваясь, но не совсем в шутку.

– Эй, я просто хочу установить товарищеские отношения. Ты же понимаешь, мы с тобой – новички.

– Так ведь остальные вроде бы не выступают единым фронтом. Ну, за исключением Харпера и Гай.

– А им оно необязательно, – сказал Маркус. – Они тут на постоянном местожительстве. – Он пробежался пальцами по клавиатуре, отпихнул ее и сдвинул стул в сторону. – Что ты о них думаешь?

– О коллективе в целом?

– Можно об отдельных личностях. Мы же не на семинаре.

– Тогда с кого начнем?

– Начнем с Лэма, – сказал Маркус Лонгридж.

Лэм сидел на заднем сиденье автобуса, на том самом, где умер человек, и глядел на бетонную подъездную площадку, изрезанную трещинами, и на деревянные ворота, за которыми виднелся центр Рединга. Лэм, давний столичный житель, не мог смотреть на это без содрогания.

Впрочем, сейчас он сосредоточенно сидел, притворно погрузившись в воспоминания о том, кого назвал своим братом, то есть о Дикки Боу³: имя слишком дурацкое для агентурного псевдонима и слишком нарочитое для реальных паспортных данных. Дикки был в Берлине тогда же, когда там работал Лэм, но за давностью лет черты его лица стерлись из Лэмовой памяти. Вспоминалось только что-то гладкое и остромордое, будто крыса, но Дикки Боу и был уличной крысой, с легкостью пробиравшейся в самые укромные щелки. В этом и заключалось его умение выживать. Впрочем, на этот раз оно не помогло.

(«Инфаркт миокарда» – гласило заключение патологоанатома. Неудивительный диагноз для Дикки Боу, человека, который много пил, много курил и ел много жирного и жареного. Не самое приятное чтение для Лэма, поскольку перечислялись и его собственные пристрастия.)

Он вытянул руку и провел пальцем по спинке сиденья впереди. Поверхность по большей части гладкая; оплавленный след от сигареты, явно древний; ободранный уголок – явно потертость, а не попытка накорябать предсмертное послание... Боу работал на Контору давным-давно и даже тогда был лишь одним из громадной армии тех, кого, в общем-то, в командный шатер не допускали. Как гласила старая Конторская присказка, на уличных крыс можно положиться, потому что всякий раз, как кто-то из них стрясет денег с противника, тут же прибегает к тебе в надежде, что ты предложишь больше.

Никакого кодекса братской чести не существовало. Если бы Дикки Боу умер оттого, что под ним воспламенился матрас, Лэм и глазом не моргнув пронесся бы по пяти ступеням горя: отрицание, гнев, торг, равнодушие, завтрак. Но Боу умер на заднем сиденье автобуса, без билета в кармане. Невзирая на пьянство, сигареты и жирную пищу, заключение патологоанатома не могло объяснить, почему Боу уехал из Лондона черт знает куда, вместо того чтобы отрабатывать смену в порнолавке в Сохо.

Лэм встал, провел рукой по багажной полке над головой и ничего не обнаружил. А если бы что и обнаружил, то оставлено это было бы не Дикки Боу, ведь прошло уже шесть дней. Потом он снова сел и взгляделся в резиновую прокладку окна, пытаясь найти царапины, – может, и глупо, но игра по московским правилам предполагает, что все твои сообщения прочитываются. Поэтому, если требовалось дать срочную весточку, это делали иными способами. Однако же в данном случае царапина на оконной прокладке весточкой не являлась.

В салоне раздалось неуверенное вежливое покашливание.

– Кхм, я не...

Лэм скорбно воздел очи.

– Простите, что помешал. Нет-нет, я ни в коем случае вас не тороплю, но хотелось бы знать, как долго...

– Минуточку, – сказал Лэм.

³ Dickie bow (англ.) – разговорное название галстука-бабочки.

На самом деле ему понадобилось куда меньше времени. Он как раз втиснул ладонь между подушками сиденья, наткнувшись на иссохший комок жевательной резинки, намертво впечатавшийся в ткань, раскрошенное печенье, скрепку, монетку (такую маленькую, что ее не стоило выуживать) и краешек чего-то твердого, скользнувшего дальше под сиденье, так что Лэму пришлось сунуть руку глубже, и рукав плаща задрался чуть ли не до локтя. Наконец пальцы нащупали и ухватили гладкий пластмассовый коробок. Высвобождая сокровище, Лэм до крови расцарапал запястье, но даже не заметил этого. Все его внимание сконцентрировалось на призе – старом дешевеньком мобильном телефоне.

– Лэм... ну что Лэм. Лэм точно такой, как о нем говорят.

– То есть?

– Жирный стервец.

– С прошлым.

– Жирный стервец-долгожитель. Хуже не бывает. Сидит у себя наверху и всех нас обсирает. Как будто ему приятно руководить отделом, в котором одни...

– Лузеры.

– Ты хочешь сказать, что я – лузер?

– Так ведь мы оба здесь оказались.

О работе забыли. Маркус Лонгридж, обозвав Ширли Дандер лузером, одарил ее лучезарной улыбкой. Дандер помедлила, пытаясь разобраться, что происходит. Никому не верь, решила она, когда впервые попала в Слау-башню. Стрижка под бокс была частью этой заповеди. Никому не верь. А тут вдруг ни с того ни с сего Ширли едва не разоткровенничалась с Маркусом – просто потому, что сидела с ним в одном кабинете. И чего он лыбится? Думает, что ведет себя по-дружески? «Так, вздохни поглубже, – велела она себе, – только в уме. Чтобы он не заметил».

В этом и заключалась работа сотрудников департамента Связи: разузнай все, что можешь, но ничего не выдавай.

– Поживем – увидим, – сказала она. – И все-таки что ты о нем думаешь?

– Ну, он руководит своим отделом.

– Тоже мне, отдел. Богадельня. – Она шлепнула ладонью по компьютеру. – Для начала, этой рухляди место в музее. Вот с этой дрянью мы должны ловить злоумышленников? Проще выйти на Оксфорд-стрит с опросным листом и допытывать прохожих: «Простите, сэр, вы, случайно, не террорист?»

– Сэр или мисс, – поправил ее Маркус и добавил: – От нас не ждут, что мы кого-нибудь поймаем. Предполагается, что нам все это надоест и мы пойдем работать в охранную фирму. Но дело в том, что нас перевели сюда в наказание, а Лэма – нет. А если его и наказали, то ему это нравится.

– И что?

– А то, что он знает, где прикопаны трупы. Многие сам и прикопал.

– Это метафора?

– У меня по литературе была двойка. Метафора для меня – закрытая книга.

– По-твоему, он ловкий?

– Он, безусловно, тучный, пьет и курит, а все его физические нагрузки сводятся к тому, чтобы снять трубку с телефона и заказать доставку карри. Но раз ты об этом упомянула, да, по-моему, он ловкий.

– Может, когда-то и был ловким, – сказала Ширли. – Но какой смысл в ловкости, если ты такой нерасторопный, что ловчить не успеваешь?

Однако Маркус так не считал. Ловкость – психологической настрой. Лэм подавлял уже одним своим присутствием, и о том, что он представляет угрозу, ты не догадывался до тех пор,

пока он не уходил, оставив тебя раздумывать, почему и как в глазах только что потемнело. Разумеется, это было личное мнение Маркуса. Он мог и ошибаться.

– Наверное, – сказал он, – мы это выясним, если побудем тут подольше.

Выйдя из автобуса, Лэм потер пальцем глаз, что придало ему горестный вид, ну или такой, будто у него там зачесалось. Начальник автобусного парка выглядел так, словно ему было неловко наблюдать за скорбью постороннего, а может, он заметил, как Лэм шарил за подушками сиденья, и теперь придумывал, как бы половчее об этом спросить.

Дабы пресечь подобные попытки, Лэм сказал:

– А где водитель автобуса?

– Водитель? Тот, который был за рулем, когда...

Да, когда мой братец откинулся, подумал Лэм, кивнул и снова потер глаз.

Водитель не горел желанием обсуждать с Лэмом строптивного пассажира, считая, как и всякий водитель автобуса, что хороши только те пассажиры, которые покидают салон самостоятельно. Однако едва начальник парка, в последний раз выразив соболезнования, удалился к себе в кабинет, а Лэм во второй раз за утро намекнул, что у него в кармане двадцатифунтовая купюра, водитель стал разговорчивее.

– Эх, что тут скажешь... Сочувствую вашей утрате, – буркнул он, явно обрадованный возможностью поживы.

– Он с кем-нибудь разговаривал? Может, ты заметил? – спросил Лэм.

– Вообще-то, наша обязанность – следить за дорогой.

– А до того, как вы отъехали?

– Что тут скажешь... – повторил водитель. – Там был чертов цирк с конями. Тысячи две пассажиров сняли с поездов, а нам пришлось их развозить. Так что нет, извините, но я ничего не заметил. Он был один из многих, пока не... – Тут он сообразил, что направил разговор в тупик, и завершил предложение невнятным: – Ну, сами понимаете.

– Пока автобус не приехал в Оксфорд с трупом на заднем сиденье, – услужливо подсказал Лэм.

– Ну, он помер тихо-мирно, – обиженно буркнул водитель. – Я скорости не превышал.

Лэм посмотрел на автобус, выкрашенный в фирменные цвета, красный и синий; низ автобуса был заляпан грязью. Самый обычный автобус; Дикки Боу вошел в него, но не вышел.

– А в поездке не произошло ничего необычного? – спросил Лэм.

Водитель уставился на него.

– Если не считать трупа, – пояснил Лэм.

– Извини, дружище. Все было как обычно. Забрал на станции, высадил в Оксфорде. Оно мне не впервой.

– А что случилось в Оксфорде?

– Ну, все высыпались, как горох. Там уже поезд ждал. А пассажиры и так уже на час задержались. И дождь шел. Так что никто не мешкал.

– Но кто-то ведь обнаружил труп.

Водитель странно посмотрел на него, и Лэм, догадавшись почему, исправил ошибку.

– Ричарда, – скорбно прошептал он; они ведь были братьями. – Дикки. Кто-то же заметил, что он умер.

– Да, там сначала пассажиры засуетились, но он уже мертвый был. Один из пассажиров, доктор, остался с ним, а остальные рванули на поезд. – Водитель помолчал. – Он такой был упокоенный, брат ваш.

– О такой смерти он и мечтал, – заверил его Лэм. – Он любил автобусы. А ты что, вызвал «скорую»?

– Ну, ему уже было не помочь, но да. Я весь вечер там проторчал, не в обиду вам будь сказано. Пришлось давать показания и все такое, да вы же знаете. Вы ж брат его.

– Да-да, – сказал Лэм. – Брат. А что еще случилось?

– Так все как обычно. Когда его, ну это, увезли, я навел порядок в автобусе и поехал в парк.

– Навел порядок?

– Ну, не уборку, а так, проверил сиденья, не забыл ли кто чего. Кошельков там или еще каких вещей.

– И что ты нашел?

– В тот вечер ничего. А, шляпу вот.

– Шляпу?

– На багажной полке. Неподалеку оттуда, где ваш братец сидел.

– Какую шляпу?

– Черную.

– Какую – черную? Котелок? Федору?

Водитель пожал плечами:

– Обычную шляпу. С полями, ну такую.

– А где она сейчас?

– В бюро находок. Если ее не забрали. Обычная шляпа. В автобусах все время шляпы забывают.

Только не в дождь, подумал Лэм.

Однако, поразмыслив, он сообразил, что это не так. В дождь шляпы носят чаще, поэтому чаще и забывают в автобусах. Обычное дело. Простая статистика.

«Нахер такую статистику, – решил он, – пусть отправляется в свободный полет, хоть до Луны».

– И где это ваше бюро находок? – Он повел рукой куда-то в сторону автобусного парка. – Вон там?

– Не-а, оно в Оксфорде.

Ну конечно, подумал Лэм.

– А как тебе Хо?

– Хо – задрот.

– Тоже мне новость. Все гики-айтишники – задроты.

– Нет, Хо всем задротам задрот. Знаешь, что он мне первым делом заявил?

– Что?

– Нет, ты прикинь, первым делом. Я даже пальто снять не успел, – сказал Маркус. – Прихожу сюда в первый раз, думаю: ну вот, меня сослали на шпионский эквивалент Дьябло⁴. Пока я соображал, что здесь и как, Хо берет свою кружку, показывает мне – такую чумную, с фотографией Клинта Иствуда – и говорит: «Это моя кружка, понял? Я не люблю, когда ей кто-то пользуется».

– Да уж. Хреново.

– Не то слово. Спорим, у него носки помечены «правый» и «левый»?

– А что Гай?

– Она спит с Харпером.

– А Харпер?

– Он спит с Гай.

⁴ Дьябло – остров у берегов Французской Гвианы, где в 1852–1952 гг. находилась каторжная тюрьма для особо опасных преступников; описан в автобиографическом романе Анри Шарьера «Мотылек» (1969).

– Не подумай, что я не согласна, но, по-моему, это не характеристика.

Маркус пожал плечами:

– Они недавно вместе, поэтому сейчас это их самая главная характеристика.

– Наверное, это они чуть раньше вышли. Интересно, зачем и куда.

– Значит, в Парке мы все еще нежелательные лица, – сказал Мин Харпер.

Прозвучало странно, потому что они как раз и были в парке, но Луиза Гай поняла, о чем он.

– Знаешь, – сказала она, – я не совсем уверена, что дело именно в этом.

Они были в Сент-Джеймском парке, а нежелательными их считали в Риджентс-Парке, то есть в Конторе. Сейчас они направлялись в ту оконечность парка, что была ближе к Букингемскому дворцу, а навстречу им по дорожке, со скоростью примерно двух миль в час, бежала трусцой дамочка в велюровом спортивном костюме розового цвета. Рядом с ней неуклюже переваливалась мохнатая собачонка с розовой, в тон костюму, ленточкой на шее. Гай и Харпер дождались, когда дамочка их минует, а потом продолжили разговор.

– Объясни.

Луиза объяснила. Все дело было в Леонарде Брэдли. До недавнего времени Брэдли был председателем Комиссии по ограничениям, которая распоряжалась бюджетом Конторы. Для проведения любой операции Ингрид Тирни, глава Риджентс-Парка, должна была получить одобрение Комиссии по ограничениям, если не хотела столкнуться с бюджетными проблемами, как теперь называли отсутствие денег. Вот только Брэдли (точнее, сэр Леонард, если его еще не лишили титула) недавно попался с поличным: «явочная квартира» в Шропшире (особняк с прислугой, который значился в ведомости как санаторий для сотрудников Конторы, пострадавших при исполнении служебных обязанностей) на проверку оказалась виллой на Мальдивах, правда, как выяснилось, действительно с прислугой. Из-за мелких прегрешений Брэдли...

– Откуда ты все это знаешь? – не выдержал Харпер. – Я думал, он просто ушел на пенсию.

– Эх ты, святая простота. В нашем деле надо держать ухо востро.

– А, понял. Тебе Кэтрин рассказала.

Луиза кивнула.

– Девчонки в туалете сплетничают? – небрежно спросил он, но в голосе слышалась обида на то, что его исключили из круга посвященных.

– Ну, Кэтрин же не станет созывать пресс-конференцию. Я ей сказала, что нас вызвали, а она объяснила мне, что происходит. Назвала это аудитом.

– А она откуда знает?

– У нее есть связи, – сказала Луиза. – Среди Владычиц.

К Владычицам данных обращались в тех случаях, когда требовалась информация, так что водить с ними дружбу и поддерживать связи было очень и очень полезно.

– И что же это за аудит?

...Из-за мелких прегрешений Леонарда Брэдли было решено провести так называемый аудит, который больше напоминал инквизицию. Новый председатель Комиссии по ограничениям Роджер Лотчинг воспользовался этой возможностью, чтобы, так сказать, расчистить конюшни; со всем персоналом провели обстоятельные беседы, досконально проверяя финансовое, трудовое, эмоциональное, психологическое, сексуальное и медицинское состояние работников, дабы убедиться в их кристальной чистоте и не допустить подобного конфуза в будущем.

– Фигней страдают, – сказал Мин. – Виноват-то Брэдли. Так что конфуз приключился не с Парком, а с Ограничениями.

– Добро пожаловать в наш мир, детка, – сказала Луиза.

Впрочем, нет худа без добра.

– Тавернер, наверное, места себе не находит, – задумчиво протянул Мин.

Обсудить, чем занимается Тавернер, они не успели, потому что тут появился Джеймс Уэбб, который и назначил им эту встречу на природе.

Уэбб был из пиджачников. Правда, сегодня он пришел не в пиджаке, а в черном плаще, под которым виднелись светло-коричневые брюки и темно-синяя водолазка, но это нисколько не скрывало пиджачную натуру Уэбба – пырни его ножом, и кровь пойдет в тонкую полоску. Свой сегодняшний прикид он явно считал предпочтительным для агента-профессионала, проводящего оперативную разработку на пленэре в парке, но создавалось впечатление, что он заглянул в свой любимый магазин на Джермин-стрит, объяснил продавцу, что идет на прогулку в парк и хочет выглядеть соответственно. Образ человека в будничной одежде он создал с той же убедительностью, что и дамочка в розовом – образ бегуни.

Однако же он был из Риджентс-Парка, а они – из Слау-башни. Когда Уэбб им позвонил и потребовал встречи, оба разинули рты от удивления. Теперь он кивнул, они кивнули в ответ и пошли рядом, по обе стороны от него.

– Все обошлось без приключений? – осведомился он таким тоном, будто спрашивал о дорожных пробках.

– Задняя дверь рассохлась. Приходится ее пинать и одновременно поворачивать ручку, – сказала Луиза. – Но мы с ней справились. А потом все путем.

– Я имел в виду Лэма, – пояснил Уэбб.

– А Лэма не было, – сказал Мин. – Он что, об этом не должен знать?

– Ну, он потом узнает. Дело-то пустяковое. Вы ко мне прикомандированы. Ненадолго. Недельки на три.

«Вы ко мне прикомандированы». Можно подумать, он большая шишка. В Парке, когда Ингрид Тирни была в Вашингтоне (а она проводила там половину времени), всем заправляла Леди Ди, то есть Диана Тавернер, одна из первых заместителей, которую, кстати, и упоминали первой, едва возникали слухи об очередном дворцовом перевороте. К должности Паука Уэбба никаких номеров не прилагалось, он вроде бы служил в отделе кадров и был как-то связан с Ривером Картрайтом, но ни Луиза, ни Мин подробностей не знали, кроме того, что Уэбб с Картрайтом вместе проходили боевую подготовку и Уэбб подстроил Риверу какую-то подляну, из-за чего Ривер угодил к слабакам.

Похоже, Уэбб сделал какие-то выводы из молчания Луизы и Мина, потому что сказал:

– Значит, теперь вы подчиняетесь мне.

– А в чем состоит задание?

– Присмотр. И может быть, проверка.

– Проверка?

Проверка была именно тем видом административно-канцелярской деятельности, которая, в общем-то, входила в обязанности слабаков, но требовала ресурсов, Слау-башне не полагавшихся. Как правило, проверку проводил департамент Информации, занимавшийся скелетами в шкафах, а Псы – подразделение внутренней безопасности – в случае необходимости обеспечивали должное прикрытие.

Однако Уэбб сделал вид, что Мин не знает этого термина.

– Да, проверка. Подтверждение личности, выявление связей, обеспечение безопасности местонахождения. И тому подобное.

– Ах, проверка, – сказал Мин. – А мне слышалось «примерка», вот я и подумал, с чего бы это.

– Ничего сложного, – заверил его Уэбб. – Было бы сложно, я к вам, умникам, не обратился бы. Впрочем, если вам это не по уму, так сразу и скажите. – Он остановился, а Мин и Луиза по инерции шагнули вперед, а потом обернулись. – В общем, чешите в свою Слау-башню, наверняка вас там важные дела заждались.

Мин раскрыл рот прежде, чем сообразил, что ответить, и Луиза его опередила:

– Никаких важных дел у нас сейчас нет. Так что мы согласны.

Она покосилась на Мина.

– Ага, – сказал он. – Нам в кайф.

– В кайф?

– Он имеет в виду, что это в пределах нашей компетенции, – пояснила Луиза. – Просто нас несколько озадачил твой выбор места встречи.

Уэбб огляделся, будто лишь сейчас заметил, что они в парке: озеро, деревья, птицы. За парковой оградой, по дороге у Букингемского дворца почтительно катили машины.

– Да, – сказал Уэбб. – Что ж, иногда неплохо и прогуляться.

– Особенно когда дома все собачатся, – не удержался Мин.

Луиза покачала головой: и вот с этим я должна работать?

Уэбб задумчиво выпятил губы:

– Да, в Парке сейчас суета.

Ага, и ты прогибаешься перед крохоборами, которые вас всех сейчас вовсю имеют, подумал Мин. А потом вы с коллегами сравниваете свои ощущения.

– Любой организации время от времени необходима встряска, – заявил Уэбб. – Посмотрим, как оно все будет, когда пыль уляжется.

Мин и Луиза одновременно сообразили, что после встряски Уэбб твердо намерен обзавестись должностью повыше и поважнее. Номерной.

– Ну а покамест приходится обходиться чем есть. Сами понимаете, департамент Информации занят аудитом персонала Парка, поэтому мы вынуждены...

– Задействовать сторонние ресурсы.

– Если угодно.

– Лучше объясни, что там за присмотр, – попросила Луиза.

– Мы ждем гостей.

– Каких?

– Русских.

– Как мило. Они же теперь наши друзья?

Уэбб вежливо хохотнул.

– И по какому же случаю?

– Переговоры о проведении переговоров.

– Оружие, нефть или деньги? – спросил Мин.

– Цинизм – чересчур перехваленное качество, тебе не кажется? – Уэбб зашагал вперед, и Мин с Луизой двинулись вместе с ним, по бокам. – Правительство ее величества... Так вот, ПЕВ считает, что на Востоке дует ветер перемен. Все пока еще расплывчато, однако нам необходим задел на будущее. Так сказать, протянуть руку дружбы тем, кто в один прекрасный день приобретет... э-э... значительное влияние.

– Значит, нефть, – сказал Мин.

– И кто же этот гость? – спросила Луиза.

– Его фамилия Пашкин.

– Как у поэта?

– Почти. Пашкин, – повторил он. – Аркадий Пашкин. Сто лет назад он был бы военачальником. Двадцать лет назад – главным мафиозо. – Уэбб помолчал. – Ну, двадцать лет назад он, возможно, им и был. А сейчас он миллиардер.

– И ты хочешь, чтобы мы его проверили?

– Нет, что ты! Человек владеет нефтяной компанией. В его шкафу может быть целый некрополь, но ПЕВ это неинтересно. Вместе с ним приедет антураж, сопровождающие лица,

будут переговоры на очень высоком уровне, и все это должно пройти гладко. А если случится прокол, то Парку понадобятся виноватые.

– То есть мы.

– То есть вы. – Он коротко улыбнулся, возможно давая понять, что это шутка, но улыбка не убедила ни Мина, ни Луизу. – Справитесь?

– Нам не впервой, – сказал Мин. – Справимся.

– Очень на это надеюсь. – Уэбб снова остановился.

Мин вспомнил, как гулял со своими двумя сыновьями, когда они были помладше. Дойти куда-нибудь было просто невозможно: все, что мальчишки замечали на пути – прутик, резинку, смятую квитанцию, – вызывало пятиминутную остановку.

– Что ж, – как бы между прочим произнес Уэбб. – Как дела в вашем имении?

«В нашем имении», – хотел было передразнить его Мин. Ишь ты какой выискался.

– Все так же, – сказала Луиза.

– А Картрайт как?

– Без изменений.

– Странно, что он еще держится. Не в обиду будь сказано. Он слишком много о себе воображает. Наверное, ненавидит Слау-башню всеми фибрами души. Остался не у дел.

В словах Уэбба звучало неприкрытое удовлетворение.

Мин решил, что Паук Уэбб ему не нравится. Честно говоря, Ривер Картрайт ему тоже не особо нравился, но сейчас Мин следовал определенному правилу, которого раньше не было и которое гласило: Картрайт – слабак, такой же, как сам Мин, такой же, как Луиза. Когда-то это означало всего лишь, что они одного поля ягоды. А сейчас пусть даже они и не питали друг к другу теплых чувств, но за глаза ни на кого не гадили. Особенно в присутствии пиджачников из Риджентс-Парка.

– Я передам ему привет от тебя, – сказал Мин. – Насколько мне известно, он любит вспоминать вашу последнюю встречу.

На которой Ривер одним ударом отправил Уэбба в отключку.

– А Лэм знает, что мы к тебе... м-м-м... прикомандированы? – спросила Луиза.

– Скоро узнает. Думаешь, ему это не понравится?

– Ну если и не понравится, вряд ли он поднимет шум, – сказала Луиза.

– Да-да, – кивнул Мин. – Ты же знаешь Лэма. Он прирожденный дипломат.

– Черт возьми, – вздохнул Лэм. – Опять этот.

Он провел полчаса в ожидании следующего поезда, вернулся в Оксфорд и теперь пытался выяснить, где находится бюро находок. Первый, кого он встретил, был хорек: все такой же дерганый, такой же угодливый и явно не горевший желанием снова пообщаться с Лэмом.

Хорек попытался просквозить мимо, но Лэму прискучило притворяться обычным гражданином. Он ухватил хорька за форменный локоток:

– На пару слов.

Хорек поглядел на руку Лэма, перевел взгляд на его лицо, а потом медленно, нарочито уставился на полицейского, который в нескольких шагах от них объяснял хорошенькой блондинке, как пользоваться картой.

Лэм разжал руку.

– Если тебе еще интересно, двадцать фунтов пока при мне, – сказал он, умолчав об обманутых надеждах водителя редингского автобуса. – Так что можем поговорить по-дружески.

Он улыбнулся в подтверждение своих самых дружественных намерений, хотя желтозубый оскал вполне мог служить иллюстрацией выражения «злой умысел».

Обещание денег сработало лучше упоминания дружеского расположения.

– Ну и чего вам еще? – спросил хорек.

- Бюро находок.
- Да, есть такое.
- Великолепно, – сказал Лэм. – А где оно?

Хорек поджал губы и демонстративно уставился в то место, где внутренний карман Лэма чуть оттопыривался под тяжестью бумажника. Ясно было, что одними обещаниями на этот раз не отделаться.

Полицейский завершил урок географии и огляделся. Лэм кивнул ему и получил такой же кивок в ответ. Потом спросил хорька:

- И давно ты здесь работаешь?
- Девятнадцать лет, – ответил хорек, давая понять, что очень этим гордится.
- Что ж, если хочешь увеличить свой срок службы до девятнадцати лет и одного дня, то води себя получше. Потому что я девятнадцать с лишним лет вынюхиваю то, что от меня пытаются скрывать, поэтому добыть общественно доступную информацию от куска говна в мундире мне не составит особого труда. А ты как думаешь?

Хорек поискал взглядом полицейского, который неторопливо направлялся к кофейне.

- Да ладно, – сказал Лэм. – Прежде чем он до нас доберется, я успею сломать тебе нос.

Ничто во внешности Лэма не указывало на то, что он способен на стремительные движения, но все его существо как бы намекало, что не стоит отметать такую возможность. Он уставился на физиономию хорька, где отражалась борьба мыслей, и яростно зевнул. Когда лев зевает, это не значит, что он устал. Наоборот, он просыпается.

- Вторая платформа, – сказал хорек.
- Проводи меня, – сказал Лэм. – Я ищу шляпу.

В Сент-Джеймском парке Уэбб вручил Луизе и Мину розовую картонную папку, запечатанную наклейкой, и удалился. Луиза с Мином направились в Сити, но сначала решили обойти вокруг озера – проверить, не сократит ли это путь.

- Если бы он еще раз заявил про ПЕВ, я бы сказала «лол», – усмехнулась Луиза.
- Ага... Что? А, ну да. Неплохо, – рассеянно ответил Мин.
- Колесо еще крутится, но хомячок давно издох, – заметила Луиза.

В подтверждение этого Мин хмыкнул.

Она взяла его под руку – в конце концов, всегда можно сказать, что по легенде они пара. На камне посередине озера пеликан расправлял крылья, напоминая зонтик для гольфа, занимающийся аэробикой.

- Ты по утрам много каши ешь? – спросила она.
- В каком смысле?
- Я думала, ты сейчас его вызовешь на борцовский поединок.

Он смущенно улыбнулся:

- Ну... он меня достал.

Луиза тоже улыбнулась, но про себя. За последние месяцы Мин изменился, и она знала, что стала причиной этому. С другой стороны, она отдавала себе отчет, что причиной могла стать любая другая женщина: в жизнь Мина вернулся секс, что кого хочешь подбодрит. Его жизнь, как и жизнь Луизы, покатила под откос несколько лет назад; для Мина переломный момент наступил, когда он забыл в вагоне метро диск с секретной информацией. Побочной жертвой этого стал распавшийся брак. Что касается Луизы, то она провалила слежку, из-за чего на окраинах Лондона появилось огнестрельное оружие. Однако пару месяцев назад Луизе и Мину удалось избавиться от ступора и завести роман, что как раз совпало с тем временем, когда к жизни ненадолго вернулась и Слау-башня. С тех пор все успокоилось, но оптимизм не угас. Луиза и Мин предполагали, что у Джексона Лэма появился реальный шанс надавить на Диану Тавернер, которая хоть и не стала его марионеткой, но признала, что за ней должок.

Что давало Лэму определенную власть.

– Уэбб – тот самый, кого Ривер сбил с ног?

– Ага.

– Странно, что он снова на ногах.

– По-твоему, Ривер такой крутой?

– А по-твоему – нет?

– Не то чтобы очень.

Луиза хохотнула.

– Что?

– Ой, да ты так небрежно плечом дернул, когда это сказал. – Она карикатурно изобразила его жест. – Типа, да уж не круче меня.

– Ничего подобного.

– Да-да. – Она снова дернула плечом. – Вот так. Будто ты сильнее всех на свете.

– Неправда. Я просто имел в виду, что Ривер, конечно, ловок, но не настолько, чтобы заставить Леди Ди избавиться от своего мальчика на побегушках.

– Все зависит от того, как именно этот мальчик ему насолил.

Они обогнули озеро. По лужайке бродили две противные птицы на здоровенных лапах, а неподалеку скользил по воде черный лебедь. Сердитый.

– Ну и как тебе задание?

Луиза пожала плечами:

– Присмотр. Ничего особенного.

– Зато из офиса выберемся.

– Наоборот, надолго там застрянем. Придется рапорты писать. Интересно, что скажет Лэм?

Мин остановился. Луиза, которая все еще держала его под руку, тоже остановилась. Вдвоем они смотрели, как лебедь патрулирует волнующуюся кромку озера и без предупреждения тычет клювом в воду; лебединая шея на миг стала полоской черного света в глубине.

– Черные лебеди, – сказала Луиза. – Я про них недавно где-то читала.

– В меню еды навывнос? Фу, гадость какая.

– Веди себя прилично. Дело было в воскресенье. Есть такое выражение, «черный лебедь», – сказала она. – Означает экстремальное непредсказуемое событие со значительными последствиями. Но такое, которое в ретроспективе выглядит очевидным и объяснимым.

– Ага.

Они пошли дальше. Немного погодя Луиза спросила:

– Интересно, о чем ты размышлял? Ну, когда задумался?

– Вспомнил, что в прошлый раз, когда нас подключили к операции Риджентс-Парка, то хотели подставить.

Черный лебедь снова изогнул шею и погрузил голову в воду.

Ширли Дандер взяла картонный стаканчик с кофе, обнаружила, что он остыл, и все равно сделала глоток.

– А Стэндиш? – спросила она.

– Леди Кэтрин... – Маркус правой рукой поднес к губам воображаемую бутылку. – Она любит выпить.

Что-то не складывалось. Кэтрин Стэндиш вроде бы постоянно была на взводе, а забавные старомодные наряды делали ее похожей на постаревшую и разочарованную Алису в Стране чудес. Но Маркус ничуть не сомневался в своих словах.

– Ну, она сейчас в завязке. Давным-давно, наверное. Но если я разбираюсь в пьяницах, а я многих знал, то в свое время она и меня, и тебя вырубила бы вмиг. По очереди.

– Ты говоришь о ней, как о боксере.

– Так ведь настоящий алкоголик относится к выпивке будто к драке. Ну, мол, выстоит только один. А алкоголик всегда считает, что выстоит именно он. А в данном случае – она.

– Она же завязала.

– Все алкаши так думают.

– А Картрайт? Он завалил Кингс-Кросс.

– Да, знаю. Я видел запись.

Видеозапись катастрофической учебной операции Ривера Картрайта, проведение которой вызвало панику в час пик на одном из главных вокзалов Лондона, до сих пор использовали в тренировочных целях, к глубокому Риверову сожалению.

– У него еще дед легендарный. Дэвид Картрайт, знаешь?

– Я его не застала.

– Он же дед Картрайта. Никто из нас его не застал, – сказал Маркус. – Был шпионом в Средние века. Между прочим, до сих пор жив.

– Вот и славно, – сказала Ширли. – Иначе в могиле извертелся бы. Ну как же, Картрайт – и угодил к слабакам. Хромой конь. В общем, все такое.

Маркус Лонгридж отодвинулся подальше от стола и широко раскинул руки. Он собой дверной проем перекроет, подумала Ширли. И перекрывал, наверное, у себя в департаменте Операций. Отправлялся на задания, год назад ликвидировал террористическую ячейку. Ну, ходили такие слухи, но, наверное, ходили и другие, иначе он бы здесь не оказался.

Он уставился на нее. У Ширли невольно мелькнула мысль: «А глаза-то темнее кожи».

– Ты чего? – спросила она.

– А ты чем их взяла?

– Чем взяла?

– Я в том смысле, что тебя не уволили.

– Я знаю, в каком ты смысле.

Где-то наверху по полу шаркнул стул, кто-то подошел к окну.

– Я им сказала, что лесбиянка, – наконец произнесла она.

– Да?

– И как им уволить лесби за то, что она врезала какому-то мудаку, который к ней в столовой приставал?

– Ты поэтому остриглась?

– Нет. Я остриглась потому, что мне так захотелось.

– Так мы с тобой заодно?

– Я ни с кем не заодно, кроме самой себя.

Он кивнул:

– Ну, как хочешь.

– А то.

Она повернулась к уснувшему монитору, шевельнула мышью. Экран неохотно высветился, демонстрируя застывшую картинку: сравнение двух лиц, настолько непохожих, что программа как будто издевалась.

– Так ты лесбиянка? Или просто так сказала?

Ширли не ответила.

Джексон Лэм сидел на скамейке, на железнодорожной станции Оксфорд; полы распахнутого плаща свисали с обеих сторон, пуговица на рубашке расстегнулась, открывая волосатое брюхо. Лэм рассеянно почесал его, завожился с пуговицей, бросил и прикрыл брюхо черной федорой, устремив на нее задумчивый взгляд, будто она хранила тайны святого Грааля.

Черная шляпа. Забытая в автобусе. В автобусе, где умер Дикки Боу.

Само по себе это ничего не означало, но Лэм размышлял.

Когда автобус прибыл в Оксфорд, шел сильный дождь, и первое, что сделал бы любой, выходя из салона, – это надел бы шляпу. Если бы она у него была. А если бы не было, то вернулся бы за ней. Кроме тех случаев, когда пассажир не желает привлекать к себе внимания; когда хочет смешаться с толпой людей, устремившихся на платформу, сесть в поезд и покинуть место происшествия как можно скорее...

На Лэма выразительно уставилась женщина, слишком привлекательная, чтобы проявлять к нему живой интерес. Приглядевшись, Лэм заметил, что она уставилась не на него самого, а на сигарету, которую он, оказывается, зажал между двумя пальцами левой руки и постукивал ею по федоре. Правая рука уже рылась в кармане в поисках зажигалки, что со стороны выглядело так, будто он чесал яйца. Лэм одарил незнакомку своей лучшей кривой ухмылочкой, раздув при этом одну ноздрю, а в ответ женщина раздула обе ноздри и отвела взгляд. Лэм заложил сигарету за ухо.

Рука в кармане прекратила поиски зажигалки и нащупала мобильный телефон, обнаруженный в автобусе.

Телефон был древний, «Нокия», серо-черный, а функций в нем было примерно столько же, сколько у пивной открывалки. Для фотосъемки он был приспособлен не больше, чем дырокол – для электронной почты. Но когда Лэм нажал кнопку, экран засветился и дал возможность ознакомиться со списком контактов. Пять номеров: ЛАВКА, ДОМ, ЗВЕЗДА (наверное, местный паб), и два имени – ДЕЙВ и ЛИЗА. Лэм позвонил по обоим. Мобильный Дейва тут же сбросил звонок на автоответчик. Стационарный телефон Лизы распахнул дверь в гулкую бездну, где все звонки остаются без ответа. Лэм проверил входящие сообщения: одно-единственное, уведомление телефонной компании о том, что на счету осталось 82 пенса. Интересно, какую долю в наследстве Дикки Боу составляет эта сумма, подумал Лэм. Может, послать Лизе денег? Он проверил отправленные сообщения. Пусто.

Но Дикки Боу перед смертью вытащил мобильник и засунул его между подушек сиденья, чтобы там его обнаружил тот, кто будет его искать. Тот, для кого у Дикки было сообщение.

Как выяснилось, неотправленное.

Подождал поезд, но Лэм остался сидеть на скамейке. Не так уж много пассажиров вышло из вагона, не так уж много село в вагон. Поезд тронулся. Лэм заметил, что из-за стекла на него гневно смотрит привлекательная женщина, и тихонько пернул в ответ: эта приватная победа доставила ему удовольствие. Потом он снова занялся телефоном. Неотправленные сообщения. Неотправленные эсэмэски хранились в отдельной папке. Лэм проверил ее. На крошечном экране высветилось одно-единственное слово одного-единственного неотправленного сообщения.

У ног Лэма голубь сосредоточенно шкрябал перрон, будто занятый важным делом. Лэм не обратил на него внимания. Он разглядывал это единственное слово, вбитое в телефон, но неотправленное, навсегда заключенное в серо-черную коробочку, вместе с 82 пенсами неиспользованной предоплаченной связи. Как будто предсмертное слово можно выдохнуть в бутылку, закупорить ее пробкой и выпустить его на свободу после того, как неприятная возня с трупом завершилась; здесь, на платформе оксфордского вокзала, где бессильное мартовское солнце едва напоминало о себе, а под ногами бродил жирный голубь. Одно слово.

– Цикады, – произнес Лэм. И повторил: – Цикады.

А потом сказал:

– Черт поberi.

3

Ширли Дандер и Маркус Лонгридж вернулись к своим занятиям; их беседа лишь чуть-чуть изменила атмосферу. В Слау-башне звуки с легкостью просачивались повсюду. Родерик Хо, если бы его это интересовало, мог прислонить голову к стене, отделявшей его кабинет от соседнего, и услышать весь разговор, но он просто отметил привычный шум, с которым люди завязывают отношения, потому что был занят апдатированием своего онлайн-статуса: добавить пару предложений на «Фейсбук» с описанием уик-энда, проведенного на горнолыжном курорте Шамони; твитнуть ссылку на свой недавний танц-микс... Для этих целей Хо пользовался псевдонимом Родди Хант; музыку он брал с малоизвестных сайтов, которые потом крушил; все его фотографии были отфотошопленными снимками Монтгомери Клифта⁵ в молодости. Хо до сих пор удивлялся, как просто сконструировать личность из ссылок и кинокадров, запустить ее в мир, словно бумажный кораблик в реку, и она будет плыть и плыть. Все до единой черты этой личности могут быть настоящими, хотя сама личность – чистая выдумка. В этом году самым большим достижением Хо стало создание алгоритма вымышленной работы онлайн под его служебным идентификатором пользователя. Тот, кто захотел бы отследить, как сотрудники используют компьютерное время в рабочие часы, убедился бы, что Родерик Хо постоянно присутствует в Конторской сети, трудясь над составлением архива операций.

Так что Хо не интересовала болтовня Ширли и Маркуса, а кабинет над ними был пуст, потому что Харпер и Гай еще не вернулись. А если бы вернулись, то один из них опустился бы на колени, приложил ухо к полу и пересказал другому каждое слово. А если бы Ривер Картрайт находился в этом кабинете, а не в комнате над Хо, он, наверное, сделал бы то же самое, чтобы развеять скуку. К скуке ему пора было привыкнуть, но она зудела, будто комариный укус недельной давности, который никак не проходит. Правда, чтобы аналогия соответствовала действительности, следовало добавить еще и боксерские перчатки; унять зуд невозможно, а от поглаживаний никакого толку.

Несколько месяцев тому назад Ривер делил кабинет с коллегой. Теперь он сидел здесь один, хотя второй письменный стол не убрали, и на нем стоял компьютер – новее, быстрее и не такой обшарпанный, как компьютер Ривера. Можно было поменяться, но Конторские компьютеры были приписаны к конкретным пользователям, а значит, пришлось бы отправлять запрос айтишникам, и дело, требующее получаса, заняло бы месяцев восемь. Конечно, можно было в обход айтишников Конторы попросить об этом Хо, но тогда пришлось бы просить Хо, а к этому Ривер был не готов.

Он выбил пальцами какой-то нескладный ритм и уставился в потолок. Обычно на такой бессмысленный звук Джексон Лэм реагировал гулким ударом в пол, что означало одновременно и «прекрати», и «поднимись ко мне». Тот факт, что никаких особых дел не существовало, Лэма не смущал; он придумывал бесполезные задания. На прошлой неделе он отправил Ривера собирать коробки из-под еды навывнос – в мусорных ящиках, в урнах, в канавах, на крышах автомобилей. В одной из клумб «Барбикана» обнаружилась целая залежь коробок, изрядно погрызенная крысами или лисами. Потом Лэм заставил его сравнить добычу со своей собственной коллекцией, коробками из-под полдников, скопившимися за полгода, поскольку решил, что Сэм Ю, хозяин соседнего ресторанчика «Новая империя», упаковывает заказанную еду в коробки поменьше, чем раньше, и необходимо было «собрать доказательную базу».

⁵ Эдвард Монтгомери Клифт (1920–1966) – известный американский актер, голливудский секс-символ 1950-х гг., сыгравший с Элизабет Тейлор в фильме «Место под солнцем» (1951, экранизация романа Теодора Драйзера «Американская трагедия»).

Типичный Лэм: не поймешь, то ли он серьезно, то ли издевается. Как бы то ни было, а Риверу пришлось копаться в мусорках.

Пару месяцев тому назад казалось, что грядут перемены. После долгих лет сидения наверху и обсирания несчастных подчиненных Лэм вдруг стал проявлять какой-то интерес; вдобавок ему нравилось подкалывать Леди Ди в Риджентс-Парке. Но потом опять заплесневел: Лэму прискучила активность, он предпочитал безделье и отсутствие перемен, так что Ривер по-прежнему прозябал здесь, а Слау-башня оставалась Слау-башней. А работа была все той же неблагоприятной имитацией деятельности, как и прежде.

Например, как сегодня. Сегодня Ривер был машинисткой. А вчера он орудовал сканером; сегодня сканер отказывался работать, поэтому Ривер сидел за клавиатурой и вбивал неоцифрованные свидетельства о смерти в базу данных вручную. Все свидетельства были выданы на младенцев от шести месяцев и младше, скончавшихся еще в эпоху продуктовых карточек; превосходные кандидаты для хищения персональных данных. В те годы их имена брали с надгробий, снимали могильные оттиски в преступных целях. Потом подавалась заявка на выдачу свидетельства о рождении взамен утраченного, а после этого усопшему младенцу придумывалась правдоподобная жизнь, со всеми полагающимися документами: номер социального страхования, банковский счет, водительские права... Все то, из чего складывалась личность, можно было подделать. А вот человек был настоящим. Но тот, кто в то время обзавелся фальшивой личиной, давным-давно стал пенсионером. Любой агент глубокого внедрения, скрывшийся под одним из имен, найденных Ривером, с тем же успехом мог назваться Рипом ван Винклем⁶. Так что это затыкание прорех в полотне истории было сплошной видимостью, занятием, придуманным специально для слабаков, и ничем больше. Но куда же запропастился Джексон Лэм?

Сидя в кабинете, ответа на этот вопрос не получить. Сам того не сознавая, Ривер встал, машинально вышел в коридор и поднялся по лестнице. На верхнем этаже всегда царил полумрак, даже когда дверь в кабинет Лэма была распахнута, потому что шторка на окне была опущена. А кабинет Кэтрин, в тылу Слау-башни, вечно находился в тени соседнего офисного здания. Кэтрин не любила верхний свет и предпочитала настольные лампы – единственная черта, роднившая ее с Лэмом, – которые не столько рассеивали темноту, сколько подчеркивали ее, расплескивая два озера желтого света, между которыми роился сумрак. Экран компьютера омывал Кэтрин серым сиянием, превращая ее в героиню волшебной сказки: бледная дева, хранительница мудрости.

Ривер вошел и уселся на стул, рядом со стопкой разноцветных папок. Весь мир перешел на цифру, но Лэм настаивал на бумаге. Однажды ему взбрело в голову учредить звание сотрудника месяца, которое бы присуждалось на основании веса составленных документов. Ривер не сомневался, что Лэм воплотил бы свою идею в жизнь, будь у него весы и устойчивое внимание.

– Ну-ну, – сказала Кэтрин. – Как я понимаю, ты справился со своим поручением и теперь пришел за следующим.

– Ха-ха. Кэтрин, чем он занимается?

– Он мне не докладывает. – Судя по всему, ее позабавило, что Ривер так не считает. – Чем занимается, тем и занимается. Моего позволения он не спрашивает.

– Но ты же к нему ближе всех.

Выражение ее лица не изменилось.

– Я имел в виду географическое расположение. Ты отвечаешь на его звонки. Ведешь его деловой календарь.

– В календаре у него пусто, Ривер. Основное занятие Лэма – разглядывать потолок и пускать ветры.

⁶ *Rip van Winkle* – главный герой одноименного рассказа (1819) американского писателя Вашингтона Ирвинга; долгие годы провел в колдовском сне.

- Пленительная картина.
- А еще он здесь курит. В госучреждении.
- Давай возьмем его под гражданский арест.
- Отличная мысль, Ривер. Но сперва лучше попрактиковаться на ком-нибудь помельче.
- Не знаю, как ты все это выносишь.

– Ну, Бог терпел и нам велел. – (В глазах Ривера мелькнул страх.) – Шутка. Он и святого доведет до самоубийства. Честно говоря, чем бы он там ни занимался, я рада, что его здесь нет.

– Он не в Парке, – сказал Ривер; когда Лэм уходил в Риджентс-Парк, то всех об этом извещал, надеясь, что кто-то не выдержит и попросится с ним за компанию. – Но что-то случилось. Он ведет себя очень странно, даже для Лэма.

Странности в поведении Лэма заключались в действиях, вполне нормальных для всех остальных. Во-первых, когда телефон на его столе зазвонил, Лэм снял трубку. Потом вызвал к себе Хо, чтобы тот разобрался с подвисшим браузером в компьютере, а значит, Джексон Лэм все-таки вышел в интернет. В целом все это создавало впечатление, что он занят каким-то важным делом.

- И ни слова не сказал, – добавил Ривер.
- Ни единого.
- И ты не знаешь, что выманило его на улицу.
- Этого я не говорила, – сказала Кэтрин.

Ривер внимательно посмотрел на нее: старомодная особа, чья бледность свидетельствовала о жизни в четырех стенах. Одежда покрывала ее от запястий до щиколоток. Она носила шляпки, с ума сойти. Ей было за пятьдесят, и до прошлого года Ривер не обращал на нее особого внимания: скромницы ее возраста не представляют интереса для стеснительных мужчин в возрасте Ривера. Но когда события приняли опасный оборот, она не запаниковала. И даже навела пистолет на Паука Уэбба – как и Ривер. Этот поступок сделал ее с Ривером членами клуба единомышленников.

- Она ждала реакции на свои слова.
- Расскажешь? – попросил он.
- Кого вызывает Лэм, если ему что-то нужно?
- Хо, – сказал Ривер.
- Совершенно верно. А про здешнюю звукопроницаемость тебе известно.
- Ты слышала их разговор?
- Нет, – сказала Кэтрин. – Что само по себе очень любопытно.
- Любопытно потому, что у Лэма не было привычки понижать голос.
- Значит, что бы это ни было, нам об этом знать не полагается.
- Но Родди знает.

Также было любопытно, что Кэтрин называла Хо Родди. Все остальные Хо вообще никак не называли. С ним не вступали в непринужденный разговор, потому что Хо не устаивал вниманием тех, у кого не было широкополосной связи.

С другой стороны, сейчас он владел информацией, представляющей большой интерес для Ривера.

- Ну что ж, – сказал он. – Пойдем побеседуем с Родди?

- Неплохо, – признал Мин.
- А больше тебе нечего сказать?
- Ну хорошо, великолепно. Так лучше?
- Гораздо.

Они стояли на семьдесят седьмом этаже одного из самых новых зданий Сити; восьмидесятиэтажная стеклянная игла вонзалась в лондонское небо. Помещение, в котором они нахо-

дились, тоже было громадным: ух ты сколько метров длиной и о-го-го сколько метров шириной; из окон от пола до потолка открывалась панорама северо-запада столицы и широкого простора, где город сдавался, побежденный небом. Луизе подумалось, что она готова торчать здесь целыми днями, не есть, не пить, а просто вбирать в себя виды, в любую погоду, при любом свете. «Великолепно» даже близко этого не описывало.

Здесь лифт тоже приводил в восхищение – бесшумный, плавный и быстрый, в таких Луиза еще не бывала.

– Классно, правда? – сказал Мин.

– Что, лифт?

– Нет, у входа. Пластмассовые копы.

Мин решил, что охранники, проверяя их с Луизой Конторские удостоверения, затаили дух от восторга и изумления. Луизе охранники напомнили ребят из районной школы на встрече с учениками частного лицея: древнее как мир противостояние голодранцев и мажоров. Поскольку сама Луиза была из голодранцев, ирония от нее не ускользнула.

Она приложила ладонь к стеклу. Потом коснулась его лбом. Возникло восхитительное чувство головокружения в полной безопасности; под ложечкой екало, а ум наслаждался видами. Мин встал рядом, сунул руки в карманы.

– Ты выше нигде не бывал? – спросила она.

Он медленно перевел взгляд на нее:

– Ха, а как же самолет?

– Да нет, в высотках.

– Эмпайр-стейт-билдинг.

– Ну, там я тоже была.

– А в ВТЦ?

Она помотала головой:

– Нет, когда я ездила в Штаты, его уже не было.

– Ага, я тоже, – сказал он.

Они помолчали, глядя на раскинувшийся внизу Лондон и думая об одном и том же: о том утре, когда люди в другом городе стояли на огромной высоте и смотрели на похожую панораму из других окон, не зная, что больше никогда не спустятся на землю и что нити их будущего уже перерезаны упаковочным резак.

Мин упер в стекло указательный палец; Луиза взглянула и увидела вдали крошечную точку. Самолет. Не пассажирский лайнер из Хитроу, а маленький пропеллерный самолетик, прокладывавший собственную борозду.

– Интересно, как близко они подлетают? – сказал Мин.

– По-твоему, это важно? – сказала Луиза. – В смысле, этот мини-саммит в верхах? Чтобы устроить... повторение?

Она не стала уточнять, повторение чего.

Немного погодя Мин ответил:

– Нет, вряд ли.

В противном случае им бы не доверили этого задания, какой бы там аудит ни проводили в Риджентс-Парке.

– Все равно надо сделать все как положено.

– И досконально все изучить.

– Иначе нас обвинят в некомпетентности, даже если все пройдет нормально.

– По-твоему, это какая-то проверка?

– Проверка чего?

– Нас с тобой, – сказала Луиза. – Нашей профпригодности.

– И если мы ее пройдем, то сможем вернуться в Риджентс-Парк?

Она пожала плечами:

– Ну, наверное.

Из Слау-башни в Риджентс-Парк вернулись ровным счетом... никто. Оба это знали. Но как и каждый из слабаков до них, Мин и Луиза питали тайную надежду, что с ними все будет иначе.

Наконец Луиза отвернулась от окна и окинула взглядом помещение. По-прежнему ух ты сколько метров длиной и о-го-го сколько метров шириной, оно занимало половину этажа; вторую половину занимал такой же зал, окнами на юго-восток, в настоящее время тоже свободный. Оба зала выходили в общий коридор, куда прибывали суперлифты; третий, служебный лифт скрывался за лестничным пролетом; лестница вела вниз, в необозримую бездну – этаж за этажом сверхсовременных офисных помещений, пока по большей части пустующих. В папке Уэбба был список компаний, уже занявших офисы: банк, инвестиционные фонды, фирма по продаже яхт, торговцы алмазами и поставщик Министерства обороны. В нижней части здания располагался отель, который собирались торжественно открыть через месяц. Луиза где-то читала, что все номера в нем забронированы на пять лет вперед.

Судя по всему, Паук Уэбб либо прижал к стенке всех своих должников, либо распотрошил какие-то суперсекретные материалы, чтобы заполучить в свое распоряжение этот зал для встречи, которая должна была состояться через несколько недель. Такое помещение в любой части города вызвало бы уважение, а на такой высоте – и вовсе священный трепет. Зал, с прилегающими к нему кухней и туалетами, был создан для проведения деловых встреч. В центре красовался овальный стол красного дерева, окруженный шестнадцатью креслами; Луиза тоже хотела такой, но он был больше всей ее квартиры. Так что этот стол, как и вид за окном, принадлежал людям состоятельным. Это не должно было влиять на мотивацию Луизы, но все же... Ей с Мином предстояло обеспечивать безопасность какого-то выскочки, для которого сумма вдвое большая их объединенных годовых зарплат была все равно что горсть мелочи в кармане.

«Забудь об этом, – подумала она. – Это не имеет значения».

И, не удержавшись, добавила:

– Не слишком ли пафосно для закулисной встречи?

– А это чтобы любопытные не пялились в окна, – сказал Мин.

– Кстати, а как эти окна моют?

– Наверное, со специального подъемника. Надо бы проверить.

Вот, для начала. Вдобавок надо было уточнить график пребывания, где именно остановится русский гость и какими маршрутами будет следовать. Собрать сведения о водителях и тех, кто обеспечивает банкетное обслуживание. Перечитать материалы, предоставленные Уэббом, и все перепроверить, потому что доверять этому ползучему гаду никто из них не собирався. А еще вызвать бригаду для поиска возможных жучков и кого-нибудь из техподдержки, поставить шумовую заглушку, хотя Луиза и сомневалась, что кто-нибудь смог бы применить тут параболический микрофон – ближайшее высотное здание выглядело настоящим карликом.

Мин коснулся ее плеча:

– Все будет хорошо. Подумаешь, русские олигархи. Выскочки. Понаехали тут, скупают наши футбольные команды. Обычный присмотр, только и всего. Уэбб же сказал.

Луиза все это знала. Но русские олигархи были не самыми популярными людьми на свете, и существовала возможность, что что-то пойдет не так. А под ней смутно поблескивала возможность, что все пройдет хорошо.

Тут Луизу снова кольнула мысль, что это может быть проверка. И еще одна, пострашнее: а вдруг успешное выполнение задания станет обратным билетом лишь для одного из них? Вдруг в Риджентс-Парк позволят вернуться только одному, но не другому? Согласится ли она, если счастливый шанс выпадет ей? А как поступит Мин? Наверное, он согласится. И винить его не за что. Она и сама согласилась бы.

Как бы там ни было, она смахнула его руку с плеча.

– Что?

– Ничего. Мы на работе.

– Ну да. Извини, – сказал Мин. Не обиделся.

Он направился к дверям, ведущим к лифтам, второму залу и лестнице. Луиза двинулась следом, но по пути заглянула на кухню – чистенькую, блестящую, полностью оборудованную, которой ни разу не пользовались. В ней был холодильник ресторанных размеров, пустой. На стене обнадеживающе висел красный огнетушитель, а рядом с ним, в застекленном шкафчике, хранились пожарная кошма и топор. Луиза распахнула дверцы пустых тумбочек, снова их закрыла, вернулась в зал с окнами, за которыми теперь виднелся вертолет «скорой помощи», словно бы зависший над центральным Лондоном, хотя на самом деле его наверняка мотало из стороны в сторону, как разведенного гуляку. Ей снова вспомнились черные лебеди и экстремальные непредсказуемые события со значительными последствиями, носящие их имя. Те самые, что в ретроспективе выглядят предсказуемыми и объяснимыми. Вертолет продолжал висеть над городом, а Луиза отправилась на поиски Мина.

Хо не любил, когда кто-то вторгался в его жизненное пространство. Особенно если этим кем-то был Ривер Картрайт, один из тех, кто игнорировал таких, как Хо, за исключением случаев, когда ему требовалось то, что могли предоставить только такие, как Хо. Например, технологическую компетенцию. Картрайт вообще не имел понятия о компетенции. Или о компетентности. Хо использовал видео с камер наблюдения на вокзале Кингс-Кросс как скринсейвер до тех пор, пока Луиза Гай не заметила вскользь, что Ривер оторвет ему руки, если узнает.

Но сейчас с Картрайтом была Кэтрин Стэндиш, а Хо не то чтобы приязненно относился к Стэндиш, но не мог найти причину, по которой к Стэндиш следует питать неприязнь. А поскольку это выделяло Стэндиш в особую категорию, Хо решил узнать, что им от него надо, прежде чем отвечать, что он занят.

Ривер расчистил уголок свободного стола и присел на него. Кэтрин выдвинула стул и тоже села.

– Как дела, Родди?

Хо недоверчиво прищурился. Она и раньше его так называла.

– Не трогай мои вещи, – сказал он Картрайту.

– Я ничего не трогал.

– Ты только что сдвинул мои вещи на столе. Там все было аккуратно разложено. По порядку. А ты все смешал, и теперь я ничего не найду.

Ривер открыл рот, чтобы возразить по ряду пунктов, но Кэтрин выразительно посмотрела на него.

– Извини, – сказал он.

– Родди, ты не мог бы сделать нам одолжение? – спросила Кэтрин.

– Какое одолжение?

– Из сферы твоих экспертных умений и навыков.

– Если вам нужен широкополосный доступ, – сказал Хо, – то за него надо платить.

– Ну, никто же не обращается к лучшему специалисту по пластической хирургии, чтобы удалить вросший ноготь, – сказала Кэтрин.

– Ага, – сказал Ривер. – И не нанимает архитектора, чтобы вымыть окна в доме.

Хо с подозрением уставился на него.

– И не просит укротителя львов накормить кота, – добавил Ривер.

Кэтрин наградила его укоризненным взглядом.

– Недавно, в кабинете Лэма... – начала она.

– Нет, – оборвал ее Хо.

– Я же не закончила объяснять.

– А и не надо. Вы пришли узнать, чего хотел Лэм, так ведь?

– Ну хоть намекни.

– Он меня убьет. Правда-правда. Я знаю, он убивал людей.

– Это он хочет, чтобы ты так думал, – сказал Ривер.

– По-твоему, он никого не убивал, что ли?

– Нет, по-моему, ему запрещено убивать сотрудников. Ну, по правилам техники безопасности.

– Ага, так я тебе и поверил. И вообще, я не про смертельное убийство. – Хо обернулся к Кэтрин. – Он меня каждый день будет убивать. Ты же знаешь, какой он.

– Он об этом не узнает.

– Узнает. Он всегда обо всем узнаёт.

– Родди... – начал Ривер.

– Не называй меня так.

– Как скажешь. Если помнишь, пару месяцев тому назад мы сделали доброе дело.

– Угу, – недоверчиво кивнул Хо. – И что?

– Потому что действовали согласованно, одной командой.

– Ну, типа того, – признал Хо.

– А значит...

– Только все идеи тогда генерировал я. А вы все больше бегали кругами.

Ривер успешно скрыл свою первую реакцию на это заявление.

– Мы все действовали в меру своих способностей, – сказал он. – Я просто хочу сказать, что тогда Слау-башня сработала отлично. Понимаешь? Мы действовали одной командой, и все сработало.

– Ага, и сейчас мы снова так поступим, – сказал Хо.

– Да, хорошо бы.

– Только сейчас вы не бегаете кругами, а просто сидите. А я опять должен делать за вас всю работу. – Он снова повернулся к Кэтрин. – А потом Лэм узнает и меня убьет.

– В таком случае можешь нам ничего не говорить, – сказал Ривер. – Но мы все равно узнаем и скажем Лэму, что ты нам растрепал. И он тебя убьет.

– Ривер... – начала Кэтрин.

– Я серьезно. Компьютер Лэма не защищен, его пароль знают все.

Компьютерным паролем Лэма было слово «пароль».

– Если бы вы и правда собирались так сделать, то уже сделали бы. И не приставали бы ко мне.

– Честно сказать, мне это только что пришло в голову. – Ривер посмотрел на Кэтрин. – Как называется полная противоположность работы в команде?

– Родди, он этого не сделает, – сказала Кэтрин. – Он пошутил.

– Что-то не похоже, – сказал Хо.

– Пошутил, пошутил. – Она посмотрела на Ривера. – Правда же?

Ривер признал поражение.

– Ага.

– Если не хочешь нам чего-то сказать, то можешь не говорить, – предложила она Хо.

Не самый эффективный метод ведения допроса, подумал Ривер.

Хо пожевал губу и взглянул на свой компьютер. Монитор стоял под таким углом, что Риверу не было видно экрана, но в стеклах очков Хо отражались тонкая паутина линий и зеленые огоньки, мерцавшие на черном фоне. Хо мог взламывать файервол Министерства обороны или играть в «морской бой» сам с собой, но, как бы то ни было, сейчас он размышлял о чем-то другом.

– Ладно, – наконец сказал он.

– Ну вот, – сказал Ривер. – Совсем нетрудно, правда?

– Я не к тебе обращаюсь. Я ей скажу.

– Хо, ну что за фигня! Она же мне сама все скажет, как только ты ей...

– У «нее», между прочим, имя есть, – одернула их Кэтрин.

Ривер и Хо в неожиданном братском порыве недоуменно уставились на нее.

– Ладно, проехали, – сказала она и наставила палец на Ривера. – Выйди за дверь. Без возражений.

Возражения у него были, и он их даже привел. Правда, исключительно в уме.

Он поднялся к себе, по пути заглянув в кабинет Харпера и Гай, но они еще не вернулись. «На встречу», – сказал Харпер, когда Ривер спросил его, куда они собрались, что означало либо встречу, либо то, что они, пользуясь отсутствием Лэма, решили проверить какие-то свои дела, или чем они там занимались в последнее время: погулять в парке, сходить в кино, перепихнуться в Луизиной машине. Кстати, о парке... А может, они отправились в Риджентс-Парк? От этой мысли Ривер на миг замер. Но лишь на миг. Это вряд ли.

У себя в кабинете он минут на пять вернулся к списку покойников, а потом минут десять смотрел в окно, сквозь обшарпанную позолоту надписи «У. У. Хендерсон, юридические и нотариальные услуги». На остановке через дорогу стояли трое; их всех увез подъехавший автобус. К остановке тут же подошла женщина и стала ждать следующего автобуса. Интересно, подумал Ривер, как бы она отреагировала, если бы знала, что за ней наблюдает сотрудник спецслужб. И что бы она сказала, если бы ей объяснили, что ее работа почти наверняка интереснее, чем его занятие.

Он вернулся к компьютеру, внес в базу данных вымышленное имя, фамилию и дату рождения, немного поразмыслил и удалил.

Кэтрин постучалась в дверь, вошла и спросила:

– Ты занят? Потому что спешки никакой.

– Три ха-ха.

Она села.

– Лэм запросил личное дело из Конторской кадровой базы данных.

– У Хо нет к ней доступа.

– Очень смешно. Старое личное дело, восьмидесятых годов. На осведомителя по имени Дикки Боу.

– Ты шутишь, что ли?

– Нет. Боу – его настоящая фамилия, а родители сдуру называли сына Ричардом. Я так понимаю, ты о нем не слыхал?

– Погоди, – сказал Ривер.

Он откинулся на спинку стула и вызвал в памяти образ С. Ч. Аббревиатура означала «Старый Черт» – прозвище, придуманное матерью Ривера. Ривер рос под присмотром С. Ч., который всю свою долгую жизнь состоял на службе в Конторе и, выйдя на пенсию, посвящал в ее секреты своего единственного внука. Ривер Картрайт стал шпионом, потому что его дед был шпионом. И не просто был, но шпионом и оставался, несмотря на то что вышел на пенсию. Есть профессии, от которых невозможно избавиться, даже покинув службу. Дэвид Картрайт был легендарным сотрудником Конторы, но, если верить ему, его работа мало чем отличалась от занятий бродячего торговца: меняешь свои убеждения, продаешь секреты,ставляешь на торги свои воспоминания, но шпион всегда остается шпионом, а все остальное – лишь прикрытие, фальшивые личности. Так что приветливый старик в дурацкой панаме, ухаживающий за клумбами в саду, оставался стратегом, который провел Контору сквозь холодную войну, и Ривер рос, усваивая мельчайшие подробности этого курса.

А они были важны. С. Ч. накрепко втолковал это Риверу еще до того, как внуку исполнилось десять. Подробности были важны. Ривер моргнул раз, другой, но так ничего и не вспомнил. Дикки Боу. Дурацкое имя, но Ривер его никогда не слышал.

– Нет, ничего. Извини, – сказал он.

– Он умер на прошлой неделе, – сказала она.

– При подозрительных обстоятельствах?

– В автобусе.

Ривер заложил руки за голову:

– Рассказывай.

– Боу ехал поездом в Вустер, но в Рединге поезд остановили, потому что были какие-то проблемы с семафорами на линии. Пассажиров отправили автобусами в Оксфорд, откуда возобновлялось железнодорожное сообщение. В Оксфорде из автобуса вышли все, кроме Боу. Который умер по пути.

– От естественных причин?

– Патологоанатомическая экспертиза утверждает, что да. К тому же Боу давно уже не числился осведомителем. Так что вряд ли его можно считать кандидатом для устранения, даже если бы он когда-нибудь и совершил что-то важное.

– А по-твоему, ничего важного он не совершал.

– Ну ты же представляешь себе кадровые личные дела. Все секретное оттуда вымарано, и о чем-то хоть сколько-нибудь важном там вообще не упоминается, разве что об элементарных фактах передачи информации. В личном деле Боу все чисто, только под конец мельком говорится о каком-то происшествии в состоянии алкогольного опьянения. Он все больше крысатничал, предлагал сведения в обмен на денежное вознаграждение. По большей части сплетни и слухи. Он тогда работал в ночном клубе, так что много чего слышал.

– Из того, что годилось для шантажа.

– Разумеется.

– Значит, возможно убийство из мести.

– Ох, все это такие давние дела. Да и потом, смерть от естественных причин.

– Тогда почему Лэм этим заинтересовался? – спросил Ривер.

– Понятия не имею. Может, они работали вместе. – Помолчав, она добавила: – В личном деле есть пометка: «Бегунок, ловко орудует на панели». Надеюсь, это означает не совсем то, что можно подумать.

– К счастью, да. Это значит, что он умело вел слежку. Наружное наблюдение.

– Ну вот. Может, Лэм узнал, что Дикки Боу умер, и расчувствовался.

– Кхм. А если серьезно?

– У Боу не было билета, – сказала Кэтрин. – И он не вышел на работу. Интересно, куда он ехал?

– Я впервые услышал о нем две минуты назад. Вряд ли мои предположения чего-то стоят.

– Да и мои тоже. Но Лэм встрепнулся, а значит, в этом что-то есть.

Она умолкла. Риверу показалось, что ее взгляд обратился куда-то в себя, словно бы отыскивая что-то в уме. Он впервые обратил внимание, что волосы у нее не седые, а светлые; при определенном освещении она выглядела блондинкой. Но у нее был длинный острый нос, и она носила шляпки, и все вместе это сливалось в какую-то серость, и такой ты ее и представлял себе в ее отсутствие, а потом и в ее присутствии. Было в этом что-то колдовское, в определенных обстоятельствах, наверное, даже привлекательное.

Чтобы сбросить с себя чары, он заговорил:

– Интересно, что именно.

– Я предполагаю худшее, – сказала Кэтрин.

– Может, у него спросим?

– По-моему, это не самая удачная мысль.

Это и впрямь была не самая удачная мысль.

Спустя несколько часов Лэм протопал по лестничным пролетам Слау-башни, будто запыхавшийся медведь. Ривер выжидал, глядя на экран компьютера и ничего не видя. «Может, у него спросим...» Такое легко было говорить в отсутствие Лэма; в его присутствии предложение звучало совсем иначе. Но в противном случае придется сидеть и тупо просматривать горы неусваиваемой информации. Кроме того, если пойти на попятный, Кэтрин решит, что он трусил.

Кэтрин ждала его на лестничной площадке, вопросительно изогнув бровь: мол, ты не передумал?

Нет, не передумал.

Дверь в кабинет Лэма была распахнута. Кэтрин постучала, и они вошли. Лэм попытался включить компьютер. Плащ он не снял, во рту торчала незажженная сигарета. Он посмотрел на них, как на мормонов:

– Это что еще за вторжение? Где горит?

– Мы хотели узнать, что происходит, – сказал Ривер.

Лэм обратил на него озадаченный взгляд, вынул сигарету изо рта и так же озадаченно посмотрел на нее. Потом снова сунул сигарету в рот и уставился на Ривера.

– Чего-чего?

– Мы хотели...

– Да, я понял. Вот и подумал, это что еще за фигня. – Он перевел взгляд на Кэтрин. – Ну, допустим, ты у нас алкоголичка. Ты каждый день пытаешься понять, что происходит. А у него какая отмазка?

– Дикки Боу, – сказала Кэтрин, не подавая виду, что задета словами Лэма.

Она к этому привыкла. Она была секретарем Чарльза Партнера, когда Партнер возглавлял Контору, и занимала этот пост до тех пор, пока не обнаружила своего начальника мертвым, в ванне. Алкоголизм заставил ее сделать вынужденный перерыв в карьере, но на службе Кэтрин научилась скрывать свои эмоции.

– Он был в Берлине в одно время с тобой, – продолжила она. – А на прошлой неделе умер в автобусе, по пути в Оксфорд. И ты поехал отследить его путешествие.

Лэм недоуменно помотал головой:

– Что случилось? Пока меня не было, сюда явился кто-то и пришил вам яйца? Я же предупреждал, незнакомым дверь не открывать.

– Мы хотим быть в теме.

– До темы вам, как до Луны. В теме вы будете тогда, когда о ней снимут документальный фильм и покажут по телевизору. Я думал, вам это известно. О господи, еще один...

В кабинет заглянул Маркус Лонгридж с папкой в руках:

– Я должен передать это...

– Не помню, как тебя звать, – сказал Лэм.

– Лонгридж, – сказал Маркус.

– И знать не хочу. Поэтому и сказал.

Лэм взял с захлавленного стола грязную чашку и швырнул ее в Кэтрин. Ривер перехватил чашку в воздухе, прежде чем она угодила Кэтрин в голову.

– Я очень рад, что мы поговорили, – заявил Лэм. – А теперь пошли все на фиг. Картрайт, отдай чашку Стэндиш. Стэндиш, налей в нее чаю. А ты, не помню, как тебя звать, сходи к соседям и принеси мне обед. Скажи Сэму, пусть сделает мой обычный вторничный.

– Сегодня понедельник.

– Я знаю, что сегодня понедельник. Если б я хотел понедельничный, то не уточнял бы. – Лэм моргнул. – Вы еще здесь?

Кэтрин выдержала его взгляд чуть дольше остальных. Ривер сообразил, что это их обычное противостояние. Остальные в этом не участвовали, будто их здесь и не было. На миг ему показалось, что Лэм первым отведет глаза, но этого не случилось; Кэтрин пожала плечами, отчего из нее будто что-то улетучилось, и отвернулась. Она взяла у Лонгриджа папку и ушла к себе. Ривер и Лонгридж зашагали вниз по лестнице.

Все прошло на ура, подумал Ривер.

Однако минут через двадцать наверху раздался страшный грохот, которым обычно сопровождается падение компьютерного монитора с высоты письменного стола, причем от удара экран разлетается вдребезги. За грохотом последовал шорох разбитого стекла и пластмассовых деталей, рассыпавшихся по полу. Вздригнул не только Ривер, но и все остальные. И все в Слау-башне услышали зычный рев:

– Черт побери!

После этого все стихло.

На зернистом, дерганом черно-белом видео поезд стоял у перрона. Поздний вечер. Шел дождь; платформа была крытой, но из плохо состыкованных водосточных желобов капало. Тянулись секунды. Ничего не происходило. Потом внезапно, будто где-то за камерой открыли ворота, на платформу хлынула толпа взволнованных пассажиров. Двигались они прерывисто: камера вела съемку с равномерными пропусками кадров. Об этом говорили и руки, неожиданно вытащенные из карманов, и внезапно свернутые зонтики. На лицах явно читались раздражение, волнение и желание оказаться где-нибудь еще. Ривер, хорошо запоминавший лица, никого не распознал.

Все собрались в кабинете Хо, потому что у Хо было самое лучшее оборудование. После того как Лэм уронил свой компьютер, пытаясь вставить в него сидиром – Ривер отдал бы свое месячное жалованье, чтобы хоть глазком полюбоваться этой комедией, – он полчаса кипятился у себя в кабинете, а потом пришел к Хо, будто так и задумал с самого начала. Следом за ним появилась Кэтрин Стэндиш. За ней подтянулись и остальные слабаки, и Лэм не стал возражать, возможно от смущения, хотя Ривер в этом и сомневался. Если бы Лэм попытался объяснить, что такое смущение, то изошел бы потом, но безуспешно. Он вручил Хо диск, всем своим видом демонстрируя, что видеозапись должны просмотреть все. А потом ответить на вопросы.

Звука не было; не было и никаких указаний на то, где это происходит. Перрон опустел, поезд тронулся. По-прежнему никаких намеков или подсказок: состав рывком сдвинулся с места и пропал из виду. Остались пустой перрон и рельсы под проливным дождем. Спустя четыре или пять секунд, которые в действительности были пятнадцатью или двадцатью, экран почернел. Весь эпизод длился не больше трех минут.

– И еще раз, – сказал Лэм.

Хо постучал по клавишам, и все снова уставились на экран.

Когда просмотр закончился, Лэм сказал:

– Ну что?

– Запись с камер наблюдения, – сказал Мин Харпер.

– Великолепно. Есть желающие добавить что-то умное?

– Поезд западного направления, – сказал Маркус Лонгридж. – Обычно они уходят с Паддингтона в Уэльс и Сомерсетшир. В Котсуолдс. Это где снято, в Оксфорде?

– Да. Но я все равно не помню, как тебя зовут.

– Я сделаю ему бейджик, – сказал Ривер. – А лысый там кто?

– Какой лысый?

– Примерно на девяностой секунде. Все остальные рванули в вагоны, а этот пошел вдоль перрона, мимо камеры. Предположительно, сел в вагон чуть дальше.

– А что в нем такого? – спросил Лэм.

– Так ведь дождь идет. Все остальные садятся в те вагоны, которые попадают в кадр, а значит, там платформа крытая. Потому что никому не хочется мокнуть. А он – нет. Хотя он без зонтика.

– И шляпы у него нет, – сказал Лэм.

– Наподобие той, которую ты принес.

Лэм помолчал, потом кивнул:

– Да, наподобие этой.

– Если это Оксфорд, – сказала Кэтрин, – то это пассажиры автобуса, в котором умер Дикки. Так?

Лэм посмотрел на Хо:

– Ну-ка, пчелка-труженица, что еще ты успел предать общественной огласке? Состояние моих зубов? Или состояние моего банковского счета?

Хо, обиженный отведенной ему ролью массовика-затейника, заявил:

– Никто же не обращается к лучшему специалисту по пластической хирургии, чтобы удалить вросший ноготь.

– Ты только не подумай, что я тебя оскорбляю, – доброжелательно сказал Лэм.

– Я...

– Потому что, когда это случится, ты, мандавошка узкоглазая, это наверняка поймешь. – Он обернулся к остальным. – Что ж, Картрайт не промахнулся. Кстати, такое я говорю очень редко. Наш лысый друг, назовем его мистер Эл, вечером прошлого вторника сел в поезд на железнодорожной станции Оксфорд. Поезд направлялся в Вустер, но по пути делал остановки. На какой из них сошел мистер Эл?

– И что нам теперь, гадать? – спросил Мин.

– Да. Потому что мне очень интересны ваши бестолковые предположения.

– Видеозапись с камер наблюдения получена из Оксфорда?

– Молодец.

– А камеры наблюдения есть и на других станциях.

– И в поездах тоже, – добавила Луиза.

Лэм захлопал в ладоши:

– Фантастика! Милые крошки-эльфы думают за меня все мои мысли. Итак, теперь, когда вы установили эти факты, до которых любой идиот допер бы в два раза быстрее, перейдем к важным делам, а именно к моему распоряжению: один из вас займется проверкой видеозаписей и даст ответ на мой вопрос.

– Я готов, – сказал Ривер.

Лэм его проигнорировал.

– Харпер, задание как раз по тебе. Никаких вещей с собой таскать не придется, так что не придется и беспокоиться, что ты по рассеянности что-нибудь потеряешь.

Мин покосился на Луизу.

– Ого! – сказал Лэм и посмотрел на Хо. – Ты видел?

– Что?

– Харпер переглядывается со своей подружкой. Интересно, что бы это значило. – Он откинулся на спинку стула Хо, сложил пальцы домиком и подпер ими подбородок. – Сейчас ты мне скажешь, что не можешь.

– Мы получили задание, – буркнул Харпер.

– Мы?

– Луиза и...

– Зови ее Гай. Здесь тебе не дискотека.

Все, независимо друг от друга, решили не тратить время на выяснение того, при чем тут дискотека.

– И вот еще что, – продолжил Лэм. – Задание, говоришь?

– Нас откомандировали в распоряжение Уэбба, – пояснил Мин. – Он сказал, что тебе, наверное, об этом уже известно.

– Уэбб? Тот самый знаменитый Паук? Который заведует скрепками?

– Он не только этим занимается, – сказала Луиза.

– Ну да, он еще занимается и тем, что прикомандировывает к себе *моих* сотрудников. Для выполнения задания. Между прочим, в чем именно заключается задание? Очень тебя прошу, скажи, что вам нельзя разглашать подробности.

– Присмотр за русским гостем.

– Я всегда думал, что такое поручают только профессионалам, – сказал Лэм. – Ну, тем, кто знает, что и как делать. Хотя нет, погодите. Это все из-за сэра Леонарда, так? Цирк какой-то. Если нас так беспокоил его творческий подход к бухгалтерии, почему мы его раньше не остановили?

– Потому что мы об этом не знали, – подсказала Кэтрин.

– Между прочим, мы – долбаная разведслужба, – напомнил Лэм. – Ладно, значит, вы прикомандированы. А я ничего возразить не могу. – Волчья ухмылка, сопровождавшая это заявление, служила обещанием тех счастливых дней, когда он не только сможет возразить, но и сделает это громко и четко. – И остался я вот с этим сбродом.

– Давайте я займусь, – снова сказал Ривер.

– Ох, бога ради, это МИ-пять, а не детский сад. Главный здесь не тот, кто первым рот раскрыл. Кому чем заняться, решаю только я, – заявил Лэм и пересчитал сотрудников справа налево: – Раз, два, три, четыре... – Палец, упершийся в Ривера, Лэм перевел на Ширли и повторил: – Четыре. Тебе водить.

– Так ведь я – четыре! – возразил Ривер.

– А я не принимаю решения в песочнице. Или ты забыл? – Он нажал кнопку, извлек из компьютера диск и небрежно метнул его Ширли.

Диск вылетел за дверь.

– Ой, какой я неловкий. Подбери, пересмотри еще раз и отправляйся на поиски мистера Эл.

– Прямо сейчас?

– Нет, когда тебе вздумается. Конечно, прямо сейчас. – Он оглядел кабинет. – И остальным, по-моему, тоже есть чем заняться.

Кэтрин, изогнув бровь, посмотрела на Ривера и вышла. Следом за ней на выход потянулись и остальные, кроме Хо и Ривера.

– Я так и знал, что Картрайту захочется продолжить дискуссию, – сказал Лэм Хо. – Вот только не пойму, почему ты-то до сих пор здесь.

– Это мой кабинет, – напомнил Хо.

Лэм молчал.

Хо вздохнул и вышел.

– Ты ведь нарочно все это делаешь?

– Что?

– Да всю эту фигню: мол, завари мне чаю, принеси мне обед. Ты нас подначиваешь. Мы же тебе нужны. Ну, чтобы самому ноги не бить.

– Кстати, о ногах... – Джексон Лэм приподнял свои горизонтально и пернул. – И это я нарочно делаю. – Он опустил ноги. – С тем же эффектом.

Кто бы там что ни думал о поведении Лэма, в достоверности его пердежа сомнений ни у кого не возникало.

– Итак, – сказал он, ничуть не потревоженный своим токсичным даром, – если бы не Стэндиш, мы бы не ходили вокруг да около. *Мы хотим быть в теме.* Боже мой! Ну, в ее возрасте на месячные это не спишешь. Хотя, вполне возможно, она себя так проспиртовала, что могла и законсервироваться. Вот как ты считаешь?

– Я считаю очень странным, что ты так уверен в убийстве Боу, хотя патологоанатомическая экспертиза говорит, что у него отказало сердце.

– Это не ответ на мой вопрос, но так и быть, на этот раз прощаю. А вот еще один. – Лэм закинул правую ногу на левую. – Если хочешь кого-нибудь отравить, но так, чтобы этого никто не обнаружил, то каким ядом лучше воспользоваться?

– Я в ядах не разбираюсь.

– Слава тебе господи! Наконец-то мы выяснили, в чем ты не разбираешься.

Лэму всегда прекрасно удавался один поразительный фокус: он мог извлечь сигарету практически из ниоткуда, вскользя коснувшись ближайшего кармана. В противоположном кармане обнаружилась дешевая зажигалка. Ривер запротестовал бы, но табачный дым значительно улучшал атмосферу, и Лэм наверняка об этом знал.

– Между прочим, Лонгридж до сих пор не принес мне обед. Надеюсь, этот несчастный ушлепок не забыл о моем поручении.

– А, ты все-таки помнишь, как его зовут, – сказал Ривер и сразу же об этом пожалел.

– Черт возьми, Картрайт, – вздохнул Лэм. – Вот кому из нас теперь должно быть стыдно, а? – Он глубоко затянулся сигаретой, и оранжево тлеющий столбик пепла вырос на целый сантиметр. – Завтра я задержусь. У меня дела. Ну, ты понимаешь. – За облачком табачного дыма его глаза превратились в щелки. – И поосторожнее спускайся по лестнице. Шею не сломай.

– Не спускайся, а поднимайся, – напомнил ему Ривер. – Мы же в кабинете Хо.

– Картрайт?

Ривер замер в дверях.

– Ты не хочешь узнать, как умер Дикки Боу?

– А что, ты мне скажешь?

– Если поразмыслить, то причина его смерти вполне очевидна, – сказал Лэм. – Убийца использовал яд, не оставляющий следов.

4

Яд, не оставляющий следов, думал Ривер Картрайт.

Ой, да ради бога!

В метро рядом с ним села хорошенькая брюнетка, при этом ее юбка сдвинулась вверх по бедрам. Почти сразу же они заговорили, вышли на одной и той же станции, помедлили у эскалатора, обменялись телефонами. Ну и покатилося: вино, пицца, постель, отпуск; первая квартира, первая годовщина, первый ребенок. Пятьдесят лет спустя они с благодарностью вспоминали свою жизнь. Потом умерли. Ривер потерял глаз кулаком. Сиденье напротив освободилось, туда села женщина, взяла за руку мужчину рядом.

Со станции «Лондон-Бридж» Ривер поехал в Тонбридж, где обитал его дед, будто на территории, аннексированной в ходе битвы, тянувшейся всю жизнь. Там С. Ч. ходил по магазинам, покупал газеты, молоко и прочие продукты, перемигивался с мясником, пекарем и почтмейстершей, и никто из них даже не подозревал, что через его руки прошли сотни жизней, что он принимал решения и отдавал приказы, которые иногда меняли ход событий, а иногда – что гораздо важнее, как сказал бы он сам, – обеспечивали их неизменность. Все кругом считали, что до пенсии он служил кем-то в Министерстве транспорта. Он выслушивал все жалобы на местное автобусное сообщение и добродушно брал вину на себя.

Иногда Ривер задумывался, какие же горы надо было свернуть, чтобы обеспечить неизменность положения дел.

После ужина они с дедом сидели в его домашнем кабинете, потягивая виски. В камине пылал огонь. За долгие годы дедово кресло промялось, и С. Ч. покоился в нем, будто в гамаке; второе кресло постепенно проминалось и под Ривером. Кроме Ривера, в нем больше никто и никогда не сидел.

– Ты что-то замышляешь, – сказал внуку С. Ч.

– Я не только поэтому к тебе приехал.

Это заявление было проигнорировано как несущественное.

– Дело в Лэме.

– Джексон Лэм. А что с ним?

– По-моему, он сошел с ума.

Ривер заметил, что С. Ч. это понравилось, как, впрочем, и все, что давало возможность нырнуть в глубины психологии. Особенно ему нравилось, когда Ривер подавал крученный мяч.

– К такому выводу ты пришел на основании глубоких медицинских познаний.

– У него паранойя разыгралась.

– На одной паранойе он бы долго не протянул. По-твоему, он себя превзошел. И в чем именно проявляется эта паранойя?

– Он решил, что в стране оперирует группа ликвидаторов из КГБ.

– Для начала, КГБ больше не существует, – сказал С. Ч. – Холодная война закончилась. Мы победили, если ты следишь за новостями.

– Да, я знаю. Я погуглил.

– Но с другой стороны, их нынешний президент когда-то возглавлял КГБ. Между прочим, сейчас эта организация называется ФСБ, и хоть они и сменили вывеску, суть осталась той же. А что касается ядов, которые не оставляют следов, именно ими и занимался особый отдел КГБ. Токсикологическая лаборатория. Фабрика ядов. В тридцатые годы некто Майровский или Майрановский⁷, ну, как-то так, изобретал там всевозможные отравляющие вещества. И добился таких успехов, что его самого убрали.

⁷ Имеется в виду профессор Григорий Майрановский (1898–1964), руководитель «Лаборатории Х» НКВД СССР в 1937–

Ривер посмотрел на свой стакан. Он пил виски только с дедом. Может, это был своего рода ритуал.

– По-твоему, это возможно.

– По-моему, если Джексон Лэм подозревает, что на нашей территории проводится операция в старом московском стиле, то к нему следует прислушаться. Имя Литвиненко тебе ни о чем не говорит?

– Там не применяли яда, не оставляющего следов.

– Вот именно. Потому что та операция проводилась под черным флагом. Думаешь, они не смогли бы обставить все как несчастный случай? – (Одним из излюбленных приемов С. Ч. было обращать твой аргумент против тебя же; еще одним – не давать тебе шансов перегруппироваться.) – Кто жертва?

– Некий Боу. Ричард Боу.

– Господи, он был еще жив?

– Ты его знал?

– Не лично. Он был бегунком в Берлине. – С. Ч. отставил стакан и принял позу мудреца: локти уперлись в подлокотники, пальцы сплетены, будто держат невидимый мяч. – Как он умер?

Ривер объяснил.

– Ну, звездная карьера ему никогда не светила, – сказал С.Ч., будто нерасторопность покойного Дикки Боу напророчила ему смерть в автобусе. – До Первого дивизиона ему было далеко.

– До Премьер-лиги⁸, – поправил его Ривер.

С. Ч. небрежно отмахнулся от этого мерзкого нововведения.

– Бегунок, ловко орудовал на панели. И кажется, был совладельцем ночного клуба. Или работал в нем. В общем, приносил всякие крохи: кто из чиновников изменяет жене или дружку и все такое прочее. Ну, ты представляешь.

– И все это фиксировалось в досье.

– Знаешь старую присказку про законы и колбасу? Ну о том, что лучше не смотреть, как они делаются?⁹ Вот и с разведслужбой так же. – Он выронил невидимый мяч, снова взял стакан и задумчиво поколыхал его содержимое, так что янтарная жидкость омыла стенки. – А потом Дикки Боу ушел в самоволку. Тем и прославился. Загулял, да так, что тревожные огоньки замигали на всех коммутаторах, от Берлина до... Баттерси. Ох, прости. Аллитерация. Дурная привычка. В общем, от Берлина до Уайтхолла, потому что хоть он и был мелкой сошкой, но в то время никому не хотелось, чтобы британский агент появился на красном телевидении и вещал бог весть что.

– Это когда было? – спросил Ривер.

– В сентябре восемьдесят девятого.

– А, понятно.

– То-то и оно. В те дни игроки, особенно берлинские агенты, прекрасно понимали, что вот-вот что-то произойдет, и хотя вслух никто ничего не говорил – боялись сплести, – но, думая об этом, все поглядывали на Стену. И никому, абсолютно никому не хотелось, чтобы

1951 гт.

⁸ *Первый дивизион* – высший дивизион в системе футбольных лиг Англии с 1892 по 1992 г., впоследствии переименованный в *Премьер-лигу*.

⁹ «Тем, кто любит колбасу и уважает закон, лучше не знать, как делается и то и другое»; видоизмененное высказывание принадлежит американскому юристу и поэту Джону Годфри Саксу (1816–1887): «Законы, как колбаса, внушают тем меньше уважения, чем больше мы узнаем о том, как они делаются», – но чаще ошибочно приписывается Отто фон Бисмарку, первому канцлеру Германской империи.

какая-то мелочь нарушила ход истории. – Стакан качнулся сильнее, виски расплескался; старик снова поставил стакан на столик у кресла, поднес руку к губам и слизнул капли.

– А никому – это кому?

– Естественно, никому из наших. – С. Ч. озадаченно посмотрел на руку, будто забыл, для чего она, а потом уронил ее на колени. – Там ведь много не требовалось. Дикки Боу вполне мог стать той песчинкой, из-за которой локомотив истории сошел бы с рельсов. Поэтому, как ты понимаешь, мы очень хотели его вернуть.

– И, судя по всему, вы его вернули.

– Ну да, мы его нашли. Точнее, он сам нашелся. Объявился в городе как раз к тому времени, как мы готовы были поставить жирный черный крест на всех тех операциях, с которыми Дикки был хоть как-то связан. Ну а объявился он чуть ли не ползком. На ногах не стоял, если честно.

– Его пытали?

С. Ч. фыркнул:

– Нет, он был пьян в стельку. Правда, утверждал, что напился не по своей воле. Якобы его схватили и заливали спиртное в глотку, да так, что он даже испугался: мол, его хотят утопить в выпивке. Ну конечно, именно этого они и добивались. Если такого, как Дикки Боу, залить спиртным, он только бойчее станет.

– И кто же были эти «они» в данном случае? Восточные немцы?

– Нет-нет, бери повыше. Если верить Дикки, его схватили настоящие шпионы. Московские. И не из простых.

С. Ч. выдержал драматическую паузу. Иногда Ривер задумывался, как старик все это терпит, как совершает свои ежедневные вылазки – в мясную лавку, в булочную, на почту, – удерживаясь от соблазна устроить представление для несчастных обывателей. Потому что нынче С. Ч. просто обожал работать на публику.

– Нет, – сказал дед. – Дикки Боу утверждал, что его похитил не кто иной, как Александр Попов собственной персоной.

Это заявление, возможно, произвело бы больший эффект, если бы Ривер знал, кто такой Александр Попов.

Святого доведет до самоубийства, подумала Кэтрин Стэндиш.

Боже святой!

В меня вселился дух матери.

Именно эту фразу она употребила чуть раньше применительно к Джексону Лэму: мол, он святого доведет до самоубийства. Она даже не представляла, что когда-нибудь произнесет ее вслух, но это все-таки произошло: рано или поздно превращаешься в собственную мать. Или в отца. Так или иначе, но это всегда случается, если позволить жизни обтесать себя, сточить все грани индивидуальности.

Когда-то у Кэтрин были грани, но много лет края ее жизни были расплывчаты и обтрепаны, а по утрам она не знала, что произошло ночью. Догадаться об этом позволяли только следы рвоты и секса, синяки на руках и на бедрах. Ощущение, что тебя пожевали и выплюнули. Из всех связей в жизни Кэтрин самой продолжительной стала ее связь с алкоголем, но, как всякий сожитель-насильник, спиртное раскрыло свою истинную сущность лишь под конец. Поэтому сейчас все грани Кэтрин были гладко стесаны; в своей квартире на севере Лондона она заваривала себе одинокую чашку мятного чая и размышляла о лысых мужчинах.

В ее жизни не было лысых мужчин. В ее жизни сейчас вообще не было мужчин, таких, которые бы что-то значили; да, на работе были коллеги мужского пола, она даже питала некоторую привязанность к Риверу Картрайту, но собственно *мужчин* в ее жизни не было, а к Джексону Лэму это относилось вдвойне. Тем не менее она размышляла о лысых мужчинах;

особенно о том из них, который мельком взглянул на камеру видеонаблюдения, прежде чем под проливным дождем пройти чуть дальше по перрону, вместо того чтобы сесть в вагон под навесом. И о шляпе, которой на этом лысом мужчине не было, потому что за две минуты перед этим он оставил ее в автобусе.

А еще она думала – это случалось очень часто, – как легко сбегать в магазин за бутылкой вина и выпить рюмочку, чтобы доказать: ей этого совершенно не хочется. Одну-единственную рюмочку, а остальное вылить в раковину. Шабли. Охлажденное. Или комнатной температуры, если в винном его не охладили. А если там не было шабли, то сойдет и совиньон-блан, или шардоне, или светлое пиво тройной крепости, или двухлитровая бутылка сидра.

Глубокий вздох. «Меня зовут Кэтрин, я – алкоголик». Синяя книга¹⁰ стояла на полке книжного шкафа в гостиной, между словарем и сборником стихотворений Сильвии Плат. Ничто не мешает взять чашечку мятного чая, сесть в кресло и почитать, пока не схлынет морок. Морок – еще одно словечко из материнского лексикона. Кодовое обозначение климактерического прилива жара. У матери были кодовые обозначения для всего. Что, в общем-то, смешно, учитывая место работы Кэтрин.

Интересно, что бы подумала мать, если бы была жива? Если бы увидела Слау-башню, ее обшарпанный фасад, ее потрепанных жизнью обитателей... Кэтрин даже не задавалась этим вопросом, потому что ответ был до боли ясен: мать взглянула бы на старую мебель, на растрескавшуюся штукатурку, на пыльные лампочки, на паутину по углам и сразу бы поняла, что ее дочери именно тут и место – тут, вдали от амбиций и устремлений. Жизненную планку лучше устанавливать пониже. Не воспарять в облака.

Да и вообще по большому счету лучше не думать о том, что осталось позади.

Поэтому Кэтрин взяла мятный чай, принесла чашку в гостиную и в тысячный раз не сгоняла за бутылкой. И не стала открывать Синюю книгу, а тем более долбаную Сильвию Плат, а просто сидела и размышляла о лысых мужчинах и об их поведении на залитых дождем перронах. И старалась не думать ни о матери, ни о гранях жизни, стесанных до такой степени, что сквозь них ясно видно, что ждет впереди.

Ведь что бы ни ждало впереди, будет только хуже.

С семьдесят седьмого этажа ухнуть вот в это, думала Луиза Гай.

Вот же хрень!

Недавно одна из центральных газет опубликовала в приложении «Домашний уют» статью, в которой говорилось, что немного воображения и небольшая сумма денег способны превратить даже самую крошечную квартиру в компактное, удобное, прекрасно оборудованное жилище. К сожалению, «небольшая сумма» была достаточно большой, и если бы у Луизы были такие деньги, то она просто переехала бы в квартиру попросторнее.

А сегодня вечером, как обычно, украшением интерьера служило сохнувшее белье. Сушилка (складная, чтобы прятать ее за ненадобностью с глаз долой) всегда мозолила глаза, потому что надобность в ней никогда не отпадала, а еще потому, что и в сложенном виде ее все равно некуда прятать. Поэтому сушилка стояла у этажерки с книгами, увешанная коллекцией нижнего белья, значительно улучшившейся с тех пор, как в жизни Луизы появился Мин. Повсюду, куда только можно было прицепить проволочную вешалку, сохли блузки, а со стола свисали рукава разложенного на нем мокрого свитера. Луиза, пристроив ноутбук на колени, сидела на кухонном табурете.

Она решила воспользоваться довольно примитивным методом расследования и первым делом науглила названную Пауком Уэббом дату грядущего мини-саммита. В этот день

¹⁰ Имеется в виду книга «Анонимные алкоголики» (1939), написанная Биллом Уилсоном и Бобом Смитом, основателями одноименного общества по избавлению от алкоголизма, в которой перечисляются пункты программы «12 шагов».

в Лондонской школе экономики проходил Международный симпозиум по новым технологиям металлургических процессов, а в Школе востоковедения и африканистики – конференция по паназиатским наукам. Объявили предпродажу билетов на концерт воссоединившихся «АББА» (билеты разойдутся за две минуты), а в центральном Лондоне наверняка воцарится безумие хуже обычного, потому что на Оксфорд-стрит ожидалась демонстрация протеста «Остановите Сити», в которой должны были принять участие четверть миллиона человек. Метро, движение на дорогах и нормальная жизнь на время замрут.

Все это не имело никакого явного отношения к визиту русского гостя. Это была фоновая информация, что тем не менее нисколько не умаляло ее важности, а после прошлого раза, когда обитателей Слау-башни впутали в дела Риджентс-Парка, Луиза не собиралась полагаться на сведения, сообщенные Уэббом. Но сосредоточиться было трудно. Она постоянно вспоминала огромный зал на семьдесят седьмом этаже «Иглы». Такой простор Луиза раньше встречала лишь на улицах, что неизменно возвращали ее домой, в съемную однокомнатную квартиру на «неправильном» берегу Темзы.

А теперь две, а то и три ночи в неделю здесь проводил и Мин, и, в общем-то, покамест это радовало, хотя и доставляло некоторые неудобства. Мин не был неряхой, но занимал место. В постель он любил ложиться чистеньким, а значит, его туалетные принадлежности внедрили на драгоценные сантиметры полочки в ванной; утром он надевал свежую рубашку, а значит, пришлось выделить и место в шкафу. Появились книги и диски с фильмами и музыкой – лишние предметы на и без того ограниченной жилплощади. Ну и конечно же, сам Мин. Нет, он не был громоздким, но этого и не требовалось: сам факт его присутствия словно бы сдвигал стены ближе. Рядом с ним было хорошо, но гораздо лучше – находиться рядом с кем-то в просторном помещении.

Где-то в здании хлопнула дверь. Сквозняк просвистел по коридорам и зашелестел под дверями, а потом с тихим шорохом, будто снег с крыши, блузка соскользнула с вешалки и упала на пол. Луиза взглянула на нее, будто надеялась, что все уладится без активного вмешательства, а когда этого не произошло, закрыла глаза и вообразила себя в другом месте. Потом снова открыла глаза, но все осталось по-прежнему.

Съемная однокомнатная квартира со сквозняками. С одним ужасающим преимуществом: несмотря на все изъяны, она была в разы лучше каморки Мина.

Если они захотят снять приличное жилье на двоих, то им потребуются деньги.

Половина двенадцатого. Шесть с половиной часов до конца смены.

Охренеть!

Если бы его попросили описать, как он представляет себе работу в частной охранной фирме, Кэл Фентон не стал бы сдерживать воображение. Обучение рукопашному бою; десантные пояса, бронежилеты, электрошокеры. И агрессивное вождение; визг шин, стремительный старт, крутые виражи. Гарнитура с наушником и микрофоном, предмет первой необходимости в бурном, полном адреналина мире сотрудника охранной службы, где никогда не знаешь, что произойдет через секунду. Вот что представлял себе Кэл Фентон. Опасность. Адреналин. Суровая уверенность в своих силах и сноровке.

Вместо всего этого у него была форма на размер меньше, потому что предыдущий охранник явно был карликом, и резиновый фонарик с полудохлой батареей. И вместо того чтобы разъезжать в бронированном лимузине, Кэл Фентон должен был каждую ночь обходить десяток коридоров, ежечасно рапортуя о ситуации, не столько для того, чтобы заверить начальство, что на объекте все в порядке, сколько для того, чтобы подтвердить, что он не спит и честно отрабатывает жалование. Которое, между прочим, лишь немногим больше минимальной почасовой ставки; если сравнить первую со второй, то разница потянет на горсть мелочи, фунта не наберется. Ну, работа есть работа, как неустанно повторяет мама, но Кэл, исполненный

мудрости девятнадцати прожитых лет, обнаружил изъян в этом утверждении: иногда работа – геморрой. Особенно когда на часах тридцать одна минута двенадцатого и до выхода отсюда целых шесть часов и двадцать девять минут.

Кстати, о выходе...

Кэл был на первом этаже, совершал обход восточного коридора объекта, а дверь в конце коридора была открыта. Не распахнута, но и не закрыта... Либо за время обхода ее кто-то открыл, либо Кэл сам ее не захлопнул после того, как докурил сигарету.

Кэл и только Кэл, потому что в ночную смену работал всего один охранник.

Он подошел к двери и легонько толкнул ее. Дверь со скрипом распахнулась. Снаружи была пустая парковка, обнесенная оградой из проволоочной сетки, а за ней разбитая дорога вела к темной эстакаде Вестуэй. Дом напротив когда-то был пабом и, возможно, когда-нибудь снова будет пабом, но пока торчал занозой в глазу. На заколоченных фанерными щитами окнах тлепались афиши местных диджеев. Кэл окинул парковку взглядом и захлопнул дверь. Постоял в тишине, вслушиваясь в стук сердца. Снаружи никого не было, и внутри тоже, если не считать его самого. Тридцать четыре минуты двенадцатого. Он отошел от двери и заглянул в кабинет.

Кабинет. Объект. Слова можно употреблять, если не думать о действительности.

Потому что кабинет – дежурка – располагался в чулане, а «объект» на самом деле был складским помещением: первый этаж кирпичный, без окон, а второй – дощатый, как будто на постройку не хватило кирпичей. Склад был поновее того, что стоял здесь раньше, но больше ему похвастать было нечем. Он, как былой и грядущий паб через дорогу, дожидался, когда район пойдет на подъем. Впрочем, это было объяснимо. Компания «ДатаЛок» предлагала бюджетные услуги, и клиент получал куда меньше, чем видел. Особенно если разглядывал каталог компании.

Кэл помахал фонариком, выписывая большие, обнадеживающие круги. В дежурке никого не было, даже сторожевого пса, который, согласно табличке у ворот, круглосуточно патрулировал территорию. Табличка обошлась компании в 4 фунта 99 пенсов, что значительно дешевле содержания сторожевого пса.

А потом Кэл слышал какой-то звук в северном коридоре. Какой-то писк, будто резиновая подошва шаркнула по плиткам пола.

Сердце Кэла тревожно забилося: тук-тук, тук-тук, тук-тук. В обычном ритме, только в два раза громче и в четыре раза быстрее.

Двадцать четыре минуты до контрольного отзвона. Конечно, можно позвонить и раньше, потому что он перепугался.

Отличный выйдет разговор.

«– По-моему, я слышал шум. – По-твоему, ты слышал шум. – Ага, в коридоре. Как будто там кто-то есть. Только я не стал проверять. А еще дверь была открыта, но, может быть, я ее сам не захлопнул, когда выходил покурить. Вы подмогу пришлете?»

(Обученную рукопашному бою, с десантными поясами и в бронежилетах.)

Но работа-геморрой лучше, чем никакой работы, и Кэлу не хотелось ее лишиться из-за того, что на объект ненароком пробралась мышь. Он взвесил в руке фонарик – тяжелый, как дубинка, – немного успокоился, вышел из дежурки и направился в северный коридор, в конце которого была лестница.

Коридоры тянулись по периметру склада. В дежурке на первом этаже сменщики – он сам и Брайан, бывший коп, которому было под семьдесят, – хранили свои вещи; на втором этаже сидели технари, обрабатывали входящую информацию. Все остальные помещения объекта представляли собой лабиринт складских отсеков, которые выглядели совершенно одинаково, если не считать номеров над входом. А еще на объекте раздавалось постоянное гудение. Так звучала информация, ждущая обработки.

Ну это Кэл узнал из разговора технарей.

Он прошел половину коридора, и тут вырубился свет.

– Никогда о нем не слышал.

– Ерундистика!

Вообще-то, С. Ч. такое было несвойственно. Ривер списал это на третий стакан виски.

– Нет, правда, – возразил он. – Все эти годы ты рассказывал мне шпионские байки, но Александр Попов в них не фигурировал.

В ответ ему достался укоризненный взгляд.

– Ривер, я не рассказывал тебе шпионские байки, а занимался твоим образованием. Во всяком случае, надеялся, что это станет твоим образованием.

Потому что если С. Ч. сообразит, что превратился в старого сплетника, то в нем что-то надломится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.